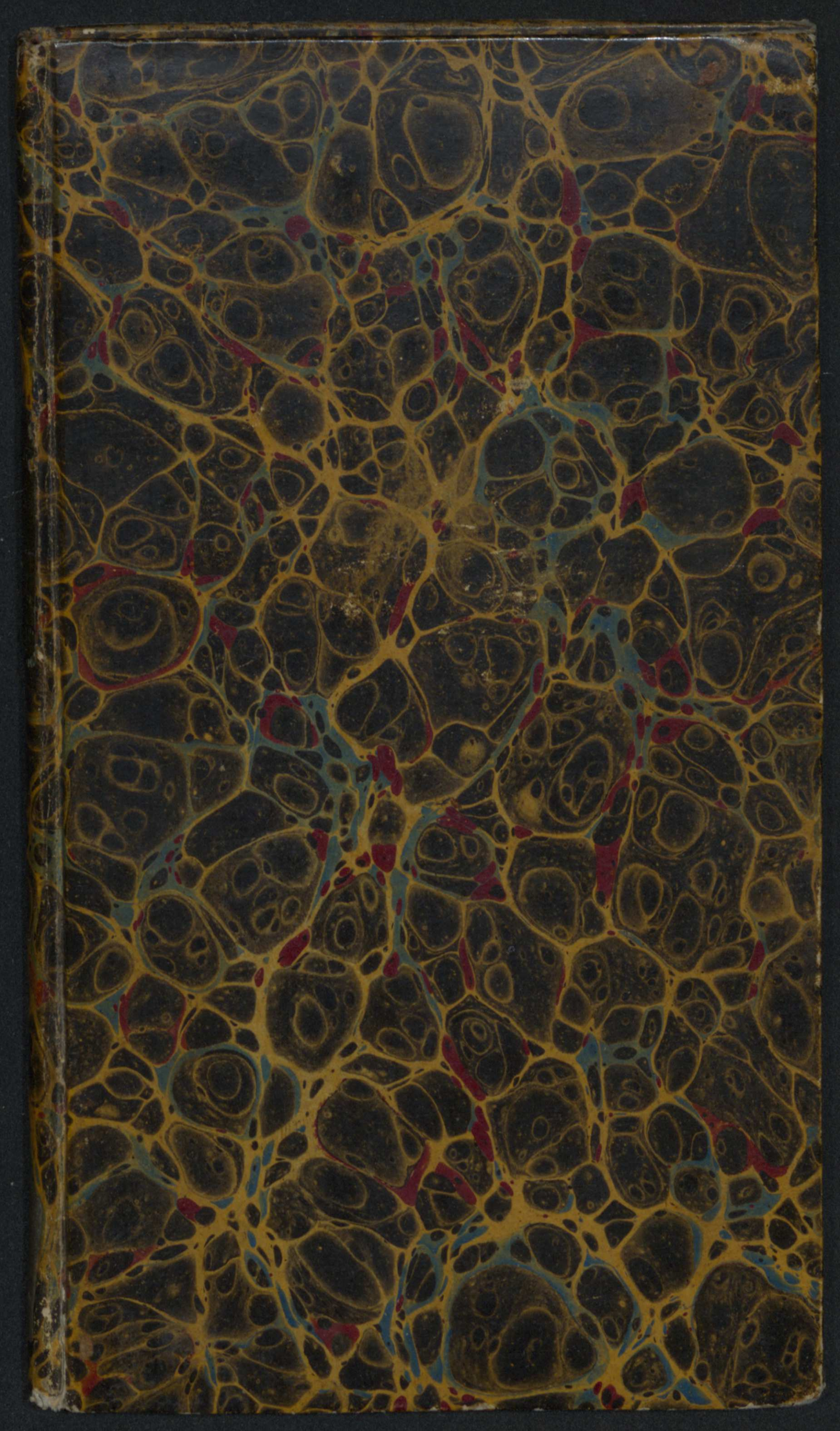

СВОЙСТВА
ЗАБАВЪ И УВЕСЕЛЕНІЙ
ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Г. Галлера

члена знаменитѣйшихъ въ Европѣ
ученыхъ обществъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Въ вольной Типографіи Вейтбрехта и Шнора,
1781 *года.*

Изслѣдованіе свойства забавъ не есть одно пустое и безполезное умствованіе, какъ то съ перваго вида непривыкшимъ къ разсужденію показаться можетъ. Ни почему не льзя столько узнать человѣка, какъ по выбору оныхъ, и ничто притомъ толь много и толь непримѣтно не способствуетъ къ образованію народнаго ума и обычая, какъ сіе же самое различіе вкуса во увеселеніи. Углубляясь во причины предпочитанія единыя забавы предъ другою, мудролюбецъ найдетъ больше способовъ къ разпространенію знанія человѣческаго, а законодавецъ ко пременѣнію, услажденію и порядочному устроенію нравовъ ввѣреннаго стараніямъ его народа.

Польза заимствуемая отъ сего изслѣдованія окажется намъ тогда еще гораздо болѣе, когда мы вникнемъ во отношеніе онаго къ благосостоянію всѣхъ

и каждаго. Наука увеселенія есть собственно наука щастія, состоящаго въ непрерывномъ продолженіи сладостныхъ ощущеній и чувствій. Самая знатнѣйшая услуга могущая быть намъ оказана отъ мудрости, состояла бы въ томъ, что бы мы умѣли познавать между тьмою сихъ отвсюду насъ по благости Всевышняго окружающихъ забавъ самыя сходственнѣйшія съ естествомъ и умоначертаніемъ нашимъ, соотвѣтствующія паче прочихъ обстоятельствамъ тѣмъ, въ которыхъ мы находимся, и подверженныя менѣе всѣхъ другихъ какимъ нибудь неудобствамъ или перемѣнамъ, и что бы мы могли различать прямыя и сущія увеселенія отъ подлежащихъ токмо единому воображенію или предразсужденію и затмѣвающихъ нерѣдко умъ нашъ такъ, что мы покидая прямое удовольствіе бросаемся за пустымъ.

Надобно отличать *удоволствіе* отъ *забавы*. Первое означаетъ просто то положеніе души, въ которомъ желаетъ она продолженія трогающихъ ее впечатлѣній: второе же представляетъ гораздо обширнѣйшее понятіе о перемѣнности и продолженіи сихъ впечатлѣній,

и показываетъ не столько количество чувствій сколько количество ощущеній. Если ощущенія сіи не очень сильны, то производимыя оными забавы могутъ называться увеселеніями. Но мы, покамѣстъ не будетъ различіе сихъ двухъ словъ означительнѣе утверждено, станемъ употреблять оныя за одно, смотря по тому, какъ нужность случая и ясность выраженій требовать будутъ.

Многіе Философы разсматривали уже свойство и происхожденіе удовольствія, и успѣхъ ихъ изслѣдованій освобождаетъ насъ отъ труда здѣсь оныя продолжать. Однакоже, какъ забавы должны быть основаны на удовольствіи, да и обыкновенно до нѣкотораго извѣстнаго степени на ономъ основываются: то разумѣніе оныхъ требуетъ предварительнаго и общаго изслѣдованія удовольствія. Но какъ во удовольствіи и въ забавахъ заключается цѣлая связь такихъ впечатленій, которыя намъ не примѣтны; то невозможно отнюдъ будетъ разобрать сего хаоса не вступивъ въ нѣкія подробности.

Поелику человѣкъ есть первое дѣйствующее лице между одушевленными;

 то

то и одаренъ онъ сего ради нужными тѣлесными орудіями и разными способностями, соотвѣтственно его назначенію. Во природѣ стремится все къ покою безъ помощи движенія, которое должно почитать совсемъ за постороннее дѣйствіе и отнюдъ оживляемымъ отъ него существамъ неврожденное. Сіе стремленіе къ покою столь же свойственно человѣку, какъ и другимъ существамъ; и безъ помощи особаго движенія не могъ бы онъ никакъ преодолѣть своея лѣни. Сила сія къ покою насъ влекущая оставила бы члены и способности наши въ противной намѣренію творца бездѣйственности; еслибы премудрость его не вложила въ насъ живительнаго нѣкоего начала или сильныя пружины, которая возбуждаетъ насъ къ дѣйствію.

Мы познаемъ заблаговременно чрезъ опыты, что употребленіе членовъ нашихъ и способностей можетъ намъ причинять какъ приятныя, такъ и неприятныя впечатлѣнія. Если употребленіе сіе соотвѣтствуетъ назначенію способностей сихъ и членовъ, то впечатленіе бываетъ такого рода, что мы желаемъ

лаемъ его продолженія, сирѣчь, оно бываетъ тогда удовольствіемъ: если же напротиву того употребленіе сіе либо недостигаетъ предѣловъ назначенія способностей и членовъ, либо преступаетъ оные; то происходящее отъ того впечатленіе бываетъ уже не таково, что бы могло возбудить въ насъ желаніе его продолженія, и тогда называемъ мы оное болѣзнію. Такимъ то образомъ вышняя премудрость увѣдомляетъ насъ всесильнымъ гласомъ болѣзни и удовольствія о должностяхъ нашихъ, и побуждаетъ тѣмъ же самымъ ко исполненію оныхъ.

Слѣдовательно все то есть удовольствіе, что упражняетъ члены и способности наши безъ утружденія т. е. все то, что упражняетъ оные соотвѣтственно силамъ ихъ и назначенію. Если мы будемъ такимъ образомъ упражнять члены тѣла нашего, то ощущенія будутъ у насъ покойны, пріятны и таковы, каковы составлять должны здравіе наше или дѣйствія онаго. Если же напротиву того мы небрежемъ тѣло, или злоупотребляемъ силы онаго; то тягость, утомленіе и всякаго рода бо-

лѣзни насъ постигаютъ. Когда употребляемъ мы способности ума и души по законамъ естества, тогда наслаждаемся безпрестанно найприятнѣйшими и продолжительнѣйшими впечатлѣнiями: будеже умъ нашъ либо совсемъ празденъ, либо чрезъ мѣру напряженъ, буде душа наша бездѣйственна или безъ мѣры утруждена, то тоска, разслабленiе, безчувственность, свирѣпость сильнѣйшихъ страстей и настоящiя душевныя болѣзни тотъ же часъ возвѣщаютъ намъ печальныя слѣдствiя отъ преступленiя нашихъ должностей.

Смотря по частямъ, составляющимъ существенность нашу, приемлютъ впечатленiя сiи различныя имена и свойства, и могутъ по тому быть особо разсмотрены для большiя удобности въ понятiи. Есть забавы, которыми трогаются токмо тѣлесныя наши чувства: есть другiя, которыя зависятъ отъ одного упражненiя способностей души и разума, и есть еще третiя, которыя состоятъ изъ смѣси всѣхъ сихъ различнаго рода забавъ, или по крайней мѣрѣ изъ отторгнутыхъ частей сихъ различнаго рода впечатленiй. По

союзу

союзу веществъ заимствуютъ и составныя забавы сіи отъ свойства и цѣны забавъ тѣла, разума и сердца. Для раздробленія оныхъ надобно будетъ начать изслѣдованіемъ ихъ началъ т. е. изслѣдованіемъ одинакихъ и простыхъ забавъ.

Тѣлесныя забавы иначе чувственными забавами именуемыя, основываются по большой части на физическихъ нуждахъ всего тѣлеснаго зданія и на относящихся къ онымъ ощущеніяхъ. Сохраненіе самаго себя, а болѣе еще сохраненіе племени своего требуетъ сихъ пріятныхъ впечатленій сопровождающихъ всегда нужныя ко продолженію бытія нашего дѣйствія. Такимъ образомъ чувственныя удовольствія относятся ко внутреннему сохранности побужденію и къ физическимъ нуждамъ самую вещественнѣйшую часть оныя сохранности составляющимъ. Таково есть то удовольствіе, которое чувствуемъ мы при утоленіи голода или жажды, и коего дѣйствіе сопряжено бываетъ со удовольственнымъ ощущеніемъ для того, что бы понудить насъ чрезъ то къ награжденію непрестаннаго урона, тѣломъ нашимъ претер-

 пѣвая

пѣваемого отъ невольныхъ движеній жизненнаго дѣйствія. Таково бываетъ вообще производимое всѣми тѣлодвиженіями удовольствіе, побуждающее насъ споспѣшествовать дѣйствію сему по всей нашей возможности чрезъ движеніе членовъ. Таково бываетъ удовольствіе, раждаемое въ насъ различнымъ вліяніемъ воздуха и всѣхъ здравію нашему споспѣшествующихъ веществъ. И таково есть наконецъ то, которое происходитъ отъ всего, что токмо пріятно ударяетъ на наши чувства. Врожденное побужденіе къ сохраненію племени представляетъ намъ одно удовольствіе сего рода т. е. удовольствіе любви, если токмо тутъ принять въ разсужденіе самую малѣйшую часть сея страсти, сирѣчь, слѣпую и единственно на физической нуждѣ основывающуюся склонность.

Умственныя забавы зависятъ отъ упражненія побужденій къ сохранности и общественности. Намъ не льзя обойтися безъ познаній, какъ для пользы нашея, такъ и для пользы ближнихъ. И такъ все то, что служитъ къ пріобрѣтенію, или и къ возпроизведенію

въ случаѣ нужды сихъ познаній, сопряжено бываетъ съ пріятнымъ чувствованіемъ. Открытіе истинны, красота и перемѣнность изображеній предмѣтовъ нашихъ нуждъ, исполняютъ насъ пріятныхъ впечатленій и пристойное употребленіе ума и воображенія есть для насъ обильной источникъ удовольствія. Предаясь врожденности къ любопытству и лѣпотѣ, слѣдуемъ намѣренію творца, и награждаемся за послушаніе наше внутреннимъ тѣмъ удовольствіемъ, которое происходитъ отъ упражненія нашихъ способностей. Если философы, приписывавшіе созерцанію совершенства нашего увеселеніе разума, разумѣли подъ тѣмъ то совершенство человѣка, которое есть слѣдствіемъ наблюденія врожденности; то конечно они не очень удалены были отъ истинны: еслиже воображали себѣ тутъ умственныя забавы независящія ни отъ какого предыдущаго размышленія о способностяхъ и склонностяхъ какъ нашихъ такъ и проччихъ существъ, то они безъ сомнѣнія обманивались и унижали достоинство человѣка.

Въ сердечныхъ забавахъ оказывается уже все могущество врожденности. Сохранность племени занимаетъ первое мѣсто въ книгѣ провидѣнія, и благосостояніе единого человѣка не можетъ состоять безъ благосостоянія ему подобныхъ. Для сей причинны склонность къ общественности дѣйствуетъ сильно въ человѣкѣ, и мы чувствуемъ, предаясь ея побужденіямъ, самыя живѣйшія и нѣжнѣшія забавы, которыя суть естественнымъ послѣдствіемъ наблюденія главнѣйшія нашея должности. Если мы напоены страстьми клонящимися ко благополучію общества, какъ то человѣколюбіемъ, дружбою, желаніемъ славы и многими другими похвальными склонностьми; то приятныя тѣ чувствованія, которыми мы бываемъ безпрерывно наполняемы, суть какъ бы непрестанные бодцы, коими мы на добрыя дѣла подстрекаемся. Даже и тѣ страсти, которыя съ начала кажется, возбуждаютъ въ насъ болѣзненныя чувствованія, заключаютъ въ себѣ тогда, когда онѣ относятся ко благу общества, нѣчто такое, которое заставляетъ ихъ предпочитать и самымъ радостнѣйшимъ положеніямъ: такова есть жалость, сострa-

страданіе и жаленіе о потеряніи чего нидудь, побуждающее насъ тѣмъ болѣе къ сохраненію оставшагося. Тѣ же напротиву того страсти которыя нарушаютъ врожденность къ сообществу, какъ то ненависть, гнѣвъ, мстительность и вообще всѣ тѣ движенія души, кои какъ намъ, такъ и ближнимъ равно вредятъ, угнѣтаютъ насъ подъ бременемъ неприятныхъ чувствованій и содѣлываютъ злополучіе наше, наказуя тѣмъ преступленіе нравственныхъ законовъ. Но сего еще недовольно: всѣ общественныя страсти споспѣшествуютъ забавѣ нашей цѣлительнымъ своимъ вліяніемъ въ расположеніе тѣла нашего, которое отъ соотвѣтствующія назначенію нашему жизни, получаетъ себѣ новую крѣпость, между тѣмъ какъ всѣ обществу вредныя страсти разстроиваютъ тѣло наше и подвергаютъ оное различнымъ слабостямъ. Такова есть величественная преимущественность добродѣтели, коея вѣрные последователи не токмо что наслаждаются непрерывнымъ послѣдованіемъ сладостнѣйшихъ чувствованій, но еще духъ ихъ отражаетъ отъ себя, на подобіе прозрачнаго и тихаго источника, образъ самыя истинны

тинны во всемъ ея совершенствѣ и сверхъ сего тѣлесное ихъ здравіе придаетъ всѣмъ ощущеніямъ ихъ новую живость и пріятность.

Забавы сихъ трехъ родовъ подвержены различнымъ умѣреніямъ, которыя отъ ихъ различнаго свойства зависятъ. Мы примѣчаемъ, что съ излишкомъ сильное и частое напряженіе мясныхъ жилочекъ причиняемое живыми и пріятными ощущеніями, утомляетъ чувственныя орудія и заставляетъ насъ ощущеніямъ симъ желать конца. Еслиже мы не смотря на сіе увѣдомленіе не прервемъ оныхъ, или станемъ паки часто ихъ воззывать; то весь порядокъ тѣлеснаго зданія разстроивается, отъ чего также страдаютъ умственныя и душевныя способности. Сего ради подвержены чувственныя забавы наскукѣ слѣдующей всегда за злоупотребленіемъ оныхъ. Злоупотребленіе же сіе, въ которое мы толь легко и толь непримѣтно впадаемъ, сколько тѣлесному, столько и душевному здравію опасно. Но не таковы умственныя забавы, коимъ можно быть долгое время преданну не боясь ни наскуки, ни опасности, какія могли бы при-

произойти отъ неумѣреннаго ихъ употребленія, предупреждаемаго почти всегда врожденною человѣку лѣностію. Сердечныя забавы еще и того меньшему подлежатъ неудобству; онѣ нетокмо не наскучаютъ, но чемъ болѣе еще учащаются благотворительныя ихъ дѣйствія, тѣмъ приятнѣе сладость ихъ ощущается и тѣмъ болѣе желаемъ мы продолженія толь чистыхъ и толь удовольственныхъ чувствованій: онѣ не токмо не вредятъ здравію тѣла и души, но еще споспѣшествуютъ оному. Немощи изгоняютъ всѣ чувственныя забавы, а досады напаяютъ оныя горестію: забавы же ума и сердца пребываютъ всегда непремѣнны и подаютъ намъ отраду какъ въ слабостяхъ нашихъ, такъ и нещастіяхъ.

Новость и перемѣна придаютъ приятности забавамъ. Врожденность къ сохраненію побуждаетъ насъ искать ревностно щастія; мы обманываяся предмѣтами, лживо щастіе сіе намъ обѣщающими, мечемся отъ одного къ другому для достиженія конца желаніямъ нашимъ. Для удовлетворенія же нашего безпокойства потребны намъ новые и мно-

многоразличные предметы, могущіе представить намъ множество выборовъ. Пріятныя и притомъ новыя впечатлѣнія тѣмъ угоднѣе намъ; если же онѣ смѣняются и умножаются, то еще и того сильнѣе насъ плѣняютъ. Число чувственныхъ забавъ ограничено, и если онѣ часто вкушаются, то цвѣтъ новости ихъ увядаетъ; подъ новымъ по видимому образомъ представляютъ онѣ все тоже самое; для оживленія же ихъ удаляются обыкновенно отъ природы и впадаютъ въ ужасныя мечтанія. Умственныя же забавы напротиву того заемлютъ самое большое и перемѣнное пространство; мы наслаждаемся сладостнымъ зрѣлищемъ, обращая мысли наши по вещественному и мысленному міру, по настоящему и прошедшему времени, и находя каждую минуту новостію своею пріятно насъ поражающія вещи. Къ забавамъ симъ не недостаетъ у насъ никогда способовъ и слабость способностей нашихъ весьма много препятствуетъ намъ объять ихъ въ обильности той, въ какой онѣ намъ представляются. Сердечныя забавы не менѣе сихъ перемѣнны: онѣ содержатъ въ себѣ столько же возобновляемыхъ всегда чув-

чувствованій. Безконечное множество случаевъ, въ коихъ надлежитъ упражнять общественныя склонности, различныя обстоятельства упражненія сего и многія наклонности страстей доставляютъ всегда новыя удовольствія. Въ прочемъ невозможно вкушать забавъ сего рода безъ предовкушенія умственныхъ, ибо два рода сіи заимствуютъ другъ отъ друга и свойства и выгоды свои.

Не взирая на склонность сію къ новости и перемѣнѣ; привычка имѣетъ также нѣкое владычество надъ забавами, кои смотря потому сколь соотвѣтсвенна, или сколь противна она блаженству нашему, бываютъ либо большаго, либо меньшаго достоинства. Если тѣлесныя чувства обыкли принимать всегда приятныя и живыя впечатленія, то онѣ содѣлываются такъ сказать необходимыми почти для бытія нашего; но между тѣмъ и приятность ихъ новости уже теряется, живность ихъ умаляется и вмѣсто того чтобы быть имъ еще забавами, превращаются онѣ въ одну простую надобность. Обстоятельства не позволяютъ всегда удовлетворять

рять сiи нужды и человѣкъ впадшiй однажды въ рабство чувственныхъ забавъ не можетъ никогда быть благополученъ, для того что внутренность его стѣсняется въ такомъ случаѣ непреоборимымъ уже властелиномъ. Привычка же на противу того къ умственнымъ и сердечнымъ забавамъ ничего опаснаго въ себѣ не заключаетъ; она не токмо живости ихъ ничемъ не умаляетъ; но чемъ болѣе мы онымъ предаемся, тѣмъ живѣе еще кажутся онѣ намъ быть и тѣмъ болѣе возраждается ихъ новость отъ скораго ихъ послѣдованiя, да и самая нужда могущая отъ нихъ произойти не подвержена ни какому неудобству: ибо онѣ не зависятъ отъ своенравiя ближняго, прiобрѣтаются весьма удобно, приличествуютъ всякому возрасту, состоянiю и чину, сопровождаютъ въ общежитiи, и увеселяютъ во уединенiи.

Прiятныя впечатленiя сихъ трехъ родовъ суть забавы, когда токмо онѣ бываютъ однѣ и безъ всякаго примѣса. Есть однако же между ними такiя, которыя для составленiя настоящихъ забавъ, или по крайней мѣрѣ, для изощренiя своей живости требуютъ неотмѣнно

помощи

помощи другаго рода впечатлѣній. Таковы суть дѣйствующія единственно на чувства и подающія всегда одно несовершенное удовольствіе, буде умственныя дѣянія, или общественныхъ склонностей движенія не будутъ споспѣшествовать ихъ совершенству: безъ собесѣдованія, безъ приуготовленія нѣкотораго рода зрѣлища и безъ изъявленія нарочнаго вкуса, удовольствіе сластолюбія есть почти ничто; ибо отъѣдаться на единѣ пристойно токмо плотоядному скоту. Если естественность любви не возвышена чувствіями сердца, то она не можетъ удовольствовать кромѣ однихъ вещественныхъ и единою похотію омраченныхъ умовъ; да и наиболѣе оной предавшіяся твари принуждены бываютъ оживлять грубое сіе удовольствіе видомъ ласки и пріятнаго удоволствія. Наконецъ стоитъ токмо подробнѣе разсмотрѣть чувственныя забавы: то тотъ часъ найдется, что онѣ, неуспѣвъ еще достичь до нѣкотораго извѣстнаго степени живости, оставляютъ уже по себѣ сущую пустоту; если токмо умственныя и сердечныя не содѣлаютъ оныхъ нѣжнѣйшими и благороднѣйшими и не сотрутъ гру-

баго подобія того, которое онѣ имѣютъ со удовольствіями и слѣпою прихотію скотовъ. Умственныя же и душевныя забавы неимѣютъ никакія нужды въ постороннемъ споспѣшествованіи, и пріятность ихъ привязана къ ихъ собственной существенности. Еслиже онѣ взаимно еще другъ другу вспомоществуютъ и взаимно пріятности свои умножаютъ, то помощь сія не токмо ихъ другъ ко другу не привязываетъ но еще тѣмъ болѣе утверждаетъ каждыхъ осебенную дѣйствительность.

Положивъ сіи правила, нетрудно кажется будетъ назначить цѣну сихъ троякого рода забавъ, опредѣлить имъ достоинство то, которое онѣ должны имѣть у насъ и усмотрѣть какое которымъ дать надлежитъ преимущество. Чувственныя забавы должны занимать послѣднее мѣсто, поелику онѣ будучи скучливѣе, несовершеннѣе, и ограниченнѣе, не могутъ быть толь легко удовольствованы, какъ другія, да и привычка къ нимъ весьма опасна. Умственныя гораздо оныхъ превосходнѣе, поелику не подвержены ни которому изъ вышеупомянутыхъ неудобствъ и въ состоя-

нїи

нїи всегда чистѣйшаго исполнитъ насъ ѵдовольствїя. Однакоже забавы сїи требуютъ нѣкоего примѣшенїя отъ забавъ страстей: онѣ ослабѣютъ, если не будутъ подкрѣпляемы желанїемъ славы и охотою благотворенїя. Для сей причины сердечныя забавы занимаютъ безъ сомнѣнїя первое мѣсто; онѣ болѣе всѣхъ независимы, живы, пространны и болѣе всѣхъ полезны обществу и тому, кто ихъ чувствуетъ; не имѣютъ за собою никакого неприятнаго послѣдствїя; наполняютъ все пространство души и всѣ прочїя забавы должны быть яко рабыни оныхъ и украшать собственно тѣ, которыя должны оными повелѣвать. Верховное блаженство по истиннѣ состояло бы въ такомъ продолжительномъ состоянїи, въ которомъ бы тѣло, умъ и душа непрестанно прїятнѣйшїя получали впечатлѣнїя, какїя бы токмо различныя части существа нашего подъять были въ силахъ. Но какъ не дано еще дойти человѣку до такого состоянїя, и какъ впечатлѣнїя часто одно другому противорствуютъ; то мы тѣмъ ближе подходимъ къ сему блаженству, чемъ большее число вкушаемъ вдругъ такихъ забавъ, которыя могутъ въ одно

время состоять и блаженству нашему споспѣшествовать.

Пріятныя упражненія, именуемыя обыкновенно забавами, содержатъ по большой части въ себѣ впечатлѣнія отъ всѣхъ тѣхъ трехъ родовъ а особливо входятъ въ сложеніе ихъ страсти. Недолжно однакоже себѣ воображать что бы примѣшивающіяся ко ощущеніямъ для составленія забавъ страсти были всегда самыя изящнѣйшія или по крайней мѣрѣ состояли изъ самыя лучшія части врожденности. Снисходя въ самого себя и вопрошая для чего бы такая то забава причиняла въ насъ извѣстное нѣкое удовольствіе, удивлялися бы мы почасту отвѣту совѣсти, и стыдилися признанія причинъ побуждающихъ насъ предпочесть увеселеніе сіе другимъ. Мы открыли бы тогда множество малыхъ страстей, которыя распространяются по предмѣтамъ, дабы токмо придать имъ ложный блескъ: тогдабы нашлось подобное тому безпокойство, какое бываетъ у человѣка при потопленіи и которое понуждаетъ его уцепиться поскорѣе за то, что первѣе всего ему попадется. Но что еще болѣе, пружи-

ны

ны разверстія врожденности, подражаніе, предразсужденіе и привычка могутъ насъ иногда увѣрить, что и со всемъ не вкусное упражненіе есть удовольствіе и мы наслаждаемся онымъ мысленно по слову другихъ.

Къ симъ причинамъ выбора удовольствій, зависящаго или въ самомъ дѣлѣ или токмо мысленно отъ пріятныхъ впечатлѣній, присовокупляется еще одна весьма сильная, опредѣляющая уже выборъ чрезъ отвращеніе отъ неприязненнаго впечатлѣнія скуки. Душа имѣетъ также свои нужды какъ и тѣло, которыя если не будутъ удовольствованы, то она впадаетъ въ нѣкоторую томность, превращающуюся въ настоящую и притомъ нерѣдко весьма опасную болѣзнь. Непрестанное дѣйствіе и воздѣйствіе тѣла и души бываютъ наконецъ причиною сообщенія взаимныхъ слабостей сихъ двухъ дѣятелей. Народъ скучаетъ для того, что умъ его пустъ; а у людей большаго состоянія бываетъ еще двоякая тому причина, а именно пустота ума и жизни бездѣйственность, которая приводитъ тѣло въ неблагополучное расположеніе могущее

такъ же ослабить и душевныя труждения Если томность сія, лютой врагъ людей, или скука, дастъ себя намъ возчувствовать, тогда стараемся мы всячески отъ нее освободиться, прилѣпляемся къ каждому предмѣту, обѣщавающему намъ наполнить пустоту нашу и надежда сія украшаетъ намъ и самые простые предмѣты. Легкое движеніе пальцовъ при работѣ безъ всякаго упражненія ума, наводитъ скуку многимъ женщинамъ по той же самой причинѣ, по коей веселитъ дикаго одно видѣніе послѣдующихъ волнъ. Наконецъ все можетъ превратиться во удовольствіе для человѣка въ большой скукѣ; и можно даже надѣяться обратить нѣкогда и приятно снаравливаемое тесаніе камня во увеселеніе.

Дабы судить о нравѣ по выбору забавъ; то надлежитъ напередъ знать причины приятностей и отгадывать потомъ причины предпочтенія оныхъ. Смѣшеніе причинъ сихъ толь многоразлично, и толь иногда тѣнно отъ соитія многоразличныхъ страстей и предразсужденій, что невозможно представить себѣ объ нихъ яснаго понятія, не входя въ разсмо-

смотрѣніе нѣкоторыхъ употребительнѣйшихъ увеселеній, составляющихъ во всякое время часть народныхъ обычаевъ. Таковы суть забавы тѣлодвиженія, охоты, пляски, музыки, зрѣлищъ и игры.

Удовольствіе тѣлодвиженія основано найболѣе на физической нуждѣ двиганія членовъ, которые безъ пристойнаго силамъ ихъ движенія теряютъ свое дѣйствіе и способность соотвѣтствовать своему назначенію. У дѣтей, коихъ члены должны для приращенія растягиваться, надобность сія весьма ясно и понудительно оказывается: онѣ находятся всегда въ дѣйствіи, любятъ всѣ движущія тѣло игры и предпочитаютъ всему другому то, что наиболѣе благопріятствуетъ симъ для благосостоянія ихъ неотмѣнно нужнымъ тѣлодвиженіямъ. Когда тѣло уже образовано, то надобно оному еще укрѣпиться, для чего и страсть къ тѣлодвиженію продолжается въ молодости до тѣхъ поръ, пока недавно возросшее тѣло будетъ еще имѣть нужду во укрѣпленіи. Страсть сія тѣмъ сильнѣе бываетъ, чемъ внутреннее чувствіе силъ хорошо разположеннаго тѣла болѣе легкости къ дви-

 же-

женіямЪ обѣщаваетЪ, и такЪ сказать производить оныя почти повелѣваетЪ. Для сей причины любятЪ вообще молодые люди тѣлодвиженіе, и тѣ, кои крѣпчайшаго другихЪ сложенія и кои потому имѣютЪ оживлять не столь чувствительныя тѣлеса, прилѣпляются обыкновенно кЪ сильнѣйшимЪ тѣлодвиженіямЪ.

Есть однакоже еще другая причина пріятности тѣлодвиженій, которая обща всѣмЪ сложеніямЪ и возрастамЪ. Дѣйствіе воздуха на члены наши придаетЪ имЪ большую свободность, благоприятствуетЪ испаринѣ и споспѣшествуетЪ такимЪ образомЪ сохраненію здравія: и такЪ всѣ скорыя движенія, отЪ коихЪ чувствуемЪ мы дѣйствіе сіе воздуха соразмѣрно нуждамЪ нашимЪ, производятЪ приятное впечатлѣніе. Сіе самое есть причиною удовольствія верьховой или колясочной ѣзды, качанія на качеляхЪ, и всѣхЪ вообще тѣхЪ дѣйствій, при которыхЪ сЪ размахомЪ и скоростію разсѣкается воздухЪ.

ИзЪ сихЪ тѣлодвиженій требуютЪ иныя искуства и тѣ, кои сколько нибудь

буд-

будь браннымЪ способностямЪ соотвѣтствуютЪ, уважаются яко дѣло полезное обществу. Хотя соотвѣтствiе сiе мало, и уваженiе кЪ тѣлодвиженiямЪ таковымЪ весьма посредственно; однакоже желанiе отличить себя и вЪ малости можетЪ побудить человѣка предаться такому упражненiю, отЪ котораго онЪ вЪ прочемЪ по состоянiю своему не можетЪ получить себѣ никакой пользы. Люди надмѣваются даже искуствомЪ управленiя лошадей, такимЪ дарованiемЪ, которымЪ можетЪ быть превзойдетЪ ихЪ всякой конюхЪ. ВкусЪ НероновЪ не истребился еще; и теперь запомнятЪ такихЪ Государей, которые болѣе гордилися искуствомЪ управленiя колесницы, нежели искуствомЪ управленiя царствЪ. Тщеславiе, сiе могущее побужденiе низкихЪ душЪ, устилаетЪ прелестьми и самые простые предмѣты; и потому находимЪ мы удовольствiе иногда и вЪ самыхЪ низкихЪ и пустыхЪ упражненiяхЪ.

Большею однакоже причиною удовольствiя сихЪ тѣлодвиженiй есть удаленiе отЪ скуки. Непривыкшiе кЪ размышленiю и чувствованiю люди прихо-

дятЪ тотЪ часЪ вЪ унынiе, какЪ скоро единая ихЪ та часть, кою они употреблять умѣютЪ, станетЪ бездѣйственна. ВЪ семЪ уныломЪ состоянiи и самая пустошь можетЪ ихЪ увеселять и тогда находятЪ они удовольствiе во всемЪ томЪ, что хотя на нѣсколько времени можетЪ прогнать ихЪ скуку и освободить ихЪ отЪ худыя бесѣды самихЪ себя. Конечно надлежитЪ тому стараться упражнять хорошо тѣло, кто не умѣетЪ упражнять души.

Прогулка не происходитЪ отЪ одной физической надобности движенiя. Она бы скоро прискучила, еслибы токмо состояла вЪ перешаганiи извѣстнаго пространства земли. Для содѣланiя ея приятною надлежитЪ присоединить кЪ ней удовольствiе размышленiя, которое изощряемо бываетЪ извѣстнымЪ побужденiемЪ, сообщаемымЪ уму чрезЪ движенiе тѣла и которое есть прямое удовольствiе для людей достойныхЪ и умѣющихЪ оное вкушать; кЪ ней можно такЪ же присоединить и удовольствiе созерцанiя естественныхЪ красотЪ, вЪ коихЪ искусившееся око находитЪ всегда достойные вниманiя предмѣты; между

ду тѣмъ какъ недовольно еще ознакомившіеся съ природою люди либо мимо проходятъ сіи чудеса, либо глядятъ на нихъ зажмуряся. Унасъ прогулка наибольшую свою пріятность имѣетъ отъ собѣседы, съ коею упражненіе сіе предпринимается, и безъ коея мы скоро оною скучаемъ. По нравамъ нашимъ примѣшивается еще ко удовольствію сему нѣсколько тщеславія и суеты. Сколько людей прогуливаются единственно для того, чтобъ токмо послѣдовать модѣ, появиться въ обществѣ подъ новымъ убранствомъ и привлечь на себя взоры мимоходящихъ! Сего то ради необщественные народы и нечувствуютъ удовольствія прогулки. Они смѣются еще надъ Европейцами, говоря, что они употребляютъ на пустое свои ноги: Турки будучи отъ природы задумчивы и мнительны, препровождаютъ по цѣлымъ днямъ въ садахъ своихъ сидя на одномъ мѣстѣ. Мятежные же и рѣзвые люди, которые нигдѣ не могутъ быть покойны, прохаживаются много и скоро.

Охота или ловля есть болѣе смѣшенное удовольствіе, которое труднѣе разобрать. Съ начала можетъ показаться

ся

ся, что она совсемъ зависитъ отъ одной склонности крѣпкаго сложенія людей къ сильнымъ тѣлодвиженіямъ. Хотя и правда, что въ людяхъ крѣпкаго сложенія скорѣе родится склонность сія къ охотѣ; но и нѣжнаго сложенія особы предаются также иногда тяжелому сему увеселенію. Самый крѣпкій человѣкъ, таковый, который бы имѣлъ наибольшую необходимость въ тѣлодвиженіи, соскучился бы скоро, бѣгая одинъ по лѣсу безъ всякаго намѣреня и безъ всякія надежды хорошія себѣ добычи. Сего для надобно чтобы охотники сверхъ приятныхъ впечатленій движенія чувствовали еще другія, дабы продолжать такое удовольствіе, которое само собою должно имъ весьма скоро наскучить.

Жилочки крѣпкаго тѣла столь грубы и жески, что никакъ не въ состояніи чувствовать слабаго впечатлѣнія. Для поколебанія чувственныхъ членовъ такого сложенія надлежитъ употреблять такія потрясенія, которыя бы были соразмѣрны ихъ крѣпости, ибо другія не въ состояніи родить въ нихъ удовольствія. Для крѣпкихъ людей надобно

добно чтобы вЪ ощущенїяхЪ было нѣчто твердое и рѣзкое: ихЪ не трогаетЪ приятность мусикїйскаго строя, нѣжность голоса, и тонкая чувствительность зрѣлища. Лай собакЪ, звукЪ роговЪ, топотЪ лошадей, шумЪ гоньбы и снарядЪ нѣсколько воинскаго праздества, все сїе вмѣстѣ составляетЪ уже довольно сильное потрясенїе для суровыхЪ ихЪ удовЪ; симЪ могутЪ они быть упражнены безЪ утружденїя, и слѣдственно сЪ приятностїю впечатлѣнїй. КЪ сему присовокупляется еще надежда славы отЪ побѣды толь страшнаго неприятеля, каковЪ токмо есть пужливой звѣрь: и она есть настоящее славолюбїе, потому что изЪясняетЪ собою вопросЪ ПасхалїевЪ, для чего тотЪ охотникЪ, которой убилЪ кабана, славнѣе того, которой убилЪ зайца? Человѣку слабаго ибоязливаго сложенїя могутЪ отЪ привычки понравиться таковыя потрясенїя, а особливо если еще другїя причины вспомоществуютЪ кЪ утвержденїю долженствующаго отЪ того произойти удовольствїя.

Скука понуждаетЪ всякаго нрава людей предаваться самымЪ сильнѣйшимЪ впе-

впечатлѣнїямъ, которымъ придаетъ она приятность. Поелику заражаетъ она весь человѣческїй родъ; то и не чудно, что всякаго состоянїя, сложенїя и нрава люди предаются съ равною пылкостїю охотѣ, ищутъ въ ней подкрѣпленїя душевной своей слабости, и продолжаютъ отъ привычки такое упражненїе, которое отвлекаетъ ихъ отъ скучныя бѣседы самихъ съ собою. Если есть такого нрава люди, у которыхъ упражненїе разума остановляется нудительною властїю тѣлодвиженїя, или которые по состоянїю своему не могутъ себѣ всегда доставлять скорыя помощи противу скуки; то тотчасъ предвидѣть можно, что они могутъ на конецъ содѣлаться охотниками: и когда извѣстенъ какой нибудь народъ и та часть онаго, въ которой наиболѣе крѣпкихъ скучливыхъ людей находится: то такимъ же образомъ безъ трудности указать можно, гдѣ больше у нихъ любителей охоты будетъ. Не мудрено также узнать, въ какомъ чину находятся обыкновенно самые скучливые и менѣе другихъ къ отвращенїю скуки способовъ имѣющїе люди.

Вни-

Вникая въ нѣкоторыя обстоятельства увеселенія сего не льзя не подумать, что бы не было въ немъ нѣсколько злощастныя тоя склонности, коея врожденность не имѣетъ больше начальныя своея чистоты, и коя забавляетъ человѣка мученіемъ и пагубою другихъ животныхъ. Зрѣлище и всѣ шумныя суеты охоты для многихъ охотниковъ весьма мало удовольствія приносятъ, когда не сопровождаются убіеніемъ многихъ звѣрей отъ собственныя ихъ руки. Какъ иначе изъяснить, какъ не чрезъ сію самую склонность къ лютости, варварское обыкновеніе нѣкотораго просвѣщеннаго и умнаго въ прочемъ народа, чтобы взносить назначенный токмо на заколеніе доведеннаго до самыя крайности скота ножъ на такій полъ, которой сотворенъ самою природою на то, чтобы токмо питать въ насъ однѣ нѣжнѣйшія чувствія?

У большей части людей раждаютъ мысленное сіе удовольствіе, которое мнятъ они вкушать на охотѣ, тщеславіе, предразсужденіе и привычка. Въ середнемъ вѣку подъ Готическимъ правленіемъ, когда обращающаяся въ оружіи

часть

часть народа не находила всегда на комЪ бы изЪ людей изострить ей можно было безчеловѣчную свою храбрость: то ходила иногда войною на обитателей лѣсовЪ, которые множествомЪ своимЪ могли бы наконецЪ вЪ худо населенныхЪ земляхЪ обезпокоить хлѣбопашцевЪ. Законы обыкновенія сего споспѣшествовали упражненію такому, которое одно пристойно токмо было невѣдущему и безпокойному дворянству, несмѣвшему мирнымЪ прикасатися трудамЪ и художествамЪ. Между тѣмЪ упражненіе сіе было не безполезно какЪ для утвержденія безопасности земледѣльца, такЪ и для содержанія воинскаго духа привычкою кЪ тяжелымЪ трудамЪ, что по обычаю тогдашняго времени и образу войны дворянамЪ было весьма нужно. И такЪ изЪ охоты родилось важное и до всего народа касающееся упражненіе, называвшееся тогда ученіемЪ воинскимЪ, коему однакоже оное нынѣ весьма мало уподобляется.

Но какЪ бы то ни было, такое увеселеніе, которое составляло все упражненіе и утѣхи дворянства, неотмѣнно долженствовало привлечь кЪ себѣ уваже-

ніе

ніе отъ народа, несмѣвшаго вкушать высокаго сего удовольствія, опредѣленнаго единственно для людей вышнія степени. Мало по малу и средняя степень начала себѣ присвоивать общія сіи права человѣчества и почитая природу свою ничемъ не подлѣе дворянской, возжелала соучаствовать въ особенныхъ ея правахъ и увеселеніяхъ. И такъ, когда охота почиталась благородною забавою; то дворяне увѣряя себя внутренно о дѣйствительности сего удовольствія, думали сворою собакъ доказать свое благородство, а граждане себя облагородствовать. Молодые люди слышатъ безпрестанно, что охота есть забава и увеселеніе знатныхъ, тщеславіе удостовѣряетъ ихъ о дѣйствительной пріятности такого упражненія, которое должно сравнить ихъ со знатностію, а привычка утверждаетъ ихъ еще болѣе того въ семъ мнѣніи. Заблаговременно таскаютъ ихъ по лѣсамъ и приучаютъ къ сильнымъ тѣлодвиженіямъ такъ, что привычка сія дѣлается имъ со временемъ необходимою. Ко многимъ переходитъ страсть сея охоты наслѣдственно, какъ бы въ потомственное владѣніе, и они бываютъ по большой части для

того токмо охотниками, что предки ихъ таковыми были.

Пляску можно почесть за отрасль тѣлодвиженій и за чистосердечное изъясненіе радости въ молодыхъ людяхъ; въ простомъ же народѣ, которой наиболѣе приобыкъ къ тягости, надобность движенія оказывается съ большею силою. Оной, подобно какъ и дѣти будучи не въ состояніи возчувствовать и изъяснить всея силы внутренняго своего удовольствія, не можетъ изъявить болѣе радости своея, какъ чрезъ очевидные знаки, т. е. чрезъ тѣлесныя движенія, смѣхи и громогласныя восклицанія: они пляшутъ и прыгаютъ когда исполнены удовольствія. Таковое увеселеніе свойственно токмо первой младости и простому народу для удовлетворенія надобности тѣлодвиженія и забавы соотвѣтственной ихъ умоначертанію. Однако же есть и такіе люди, которые хотя по сложенію своему и не должны бы любить таковаго движенія, будучи не изъ простаго народа, притомъ не въ молодыхъ уже лѣтахъ и имѣя способность изъявлять радость свою нѣжнѣйшимъ обра-

образомъ, но прилѣпляются не смотря на то къ пляскѣ и находятъ особое въ ней удовольствіе. Изъ сего видно, что забава сія не отъ одной причины происходитъ. Извѣстно, что въ насъ есть нѣкоторая особливая склонность къ порядку и согласію: движеніе по удару или такту производитъ гораздо пріятнѣйшее впечатлѣніе въ чувствахъ нашихъ нежели простое движеніе; мѣрная пляска придаетъ болѣе пріятности тѣлодвиженію и дѣлаетъ намъ нечувствительною усталость, которая бы безъ того скоро насъ утомила. Изъ пляски сея содѣлалося особое искуство, въ знаніи котораго можно себя отлично оказать чрезъ хитростное движеніе членовъ и тѣла. Люди, которые не умѣютъ себя отличать великими дарованіями, не упускаютъ отличатся при случаѣ малыми.

Если кто возмнитъ о себѣ, что онъ превосходно пляшетъ; тогда тщеславіе раждаетъ въ немъ нѣкое удовольствіе и онъ пляшетъ уже изъ одного честолюбія. Сія причина пріятности пляски доказывается многими примѣрами, взятыми отъ такихъ людей, которые

имѣя по большой части въ станѣ своемъ нѣкоторой недостатокъ, были страсти сей наиболѣе подвержены. Они чаяли по видимому прикрыть недостатки сіи искуствомъ или по крайней мѣрѣ содѣлать оные не примѣтными предъ глазами зрителей, обращая вниманіе ихъ на искуство свое въ произведеніи трудныхъ и многоразличныхъ оборотовъ: можно бы правда нѣсколько усумниться о дѣйствіи семъ тщеславія, принявъ въ разсужденіе обычай нѣкоторыхъ народовъ, въ коихъ сопряженныя съ искуствомъ и пріятностію движенія вовсе оставляются, а принимаются на мѣсто оныхъ не пристойныя пляски, которыя вмѣсто пріятнаго искуства ничего болѣе не требуютъ, кромѣ одной крѣпости ногъ и изъявляютъ токмо нѣкоторую неистовую народную радость. Но тщеславіе отнюдъ не теряетъ правъ своихъ въ семъ подражаніи простому народу, который имѣетъ свои особые къ увеселенію сему поводы; барыни имѣютъ весьма часто справедливыя причины слѣдовать модамъ своихъ служанокъ. Пляскѣ придаютъ обыкновенно видъ позорища. Украшеніе мѣста, блескъ огней, множество разряженныхъ

особѣ, всеобщее движенїе, разнообразность и шумъ мусикїйскихъ орудїй, все сїе составляетъ зрѣлище поразительное, которое трогая вдругъ многїя чувства, производитъ въ насъ живыя и прїятныя ощущенїя. Тщеславїе дѣйствующихъ лицъ удовлетворяется тѣмъ увѣренїемъ, что они оказали себя въ самомъ лучшемъ своемъ видѣ, изъявили всѣ свои прїятности, ослѣпили многихъ богатымъ и новымъ своимъ нарядомъ и обратили на себя вниманїе всѣхъ зрителей. Удовольствїе сего тщеславїя усугубляется еще удовольствїемъ другїя страсти, возраждающїяся отъ смѣшенїя обоего пола людей, отъ вольности нестолько индѣ позволительной и отъ надежды прельщенїя собою другихъ; при чемъ сердце наше отъ присудствїя толь многихъ въ насъ страсти возбуждающихъ предмѣтовъ растворяется. Одинъ токмо есть такой народъ, у коего мущины перетаптывая полегоньку ногами и куря табакъ составляютъ одни всю пляску безъ всякаго вкуса. — Скучливые для той же самой причины любятъ пляску, для коей всѣ прочїя тѣлодвиженїя. Люди, которые по своему состоянїю, воспитанїю не просвѣщенїю,

 самой

самой своей природѣ и сложенію не въ состояніи вкушать лучшихъ забавъ, уловляютъ тѣмъ съ большею жадностію всѣ случаи малѣйшаго увеселенія, которое бы токмо могло хотя нѣсколько изъять душу ихъ отъ томительныя скуки. *Плутархъ* говаривалъ о Гречанкахъ своего времени: „Если бы женщины наши были просвѣщеннѣе, то конечнобы не препроводили онѣ цѣлыхъ ночей болѣе въ бѣшеной, нежели пріятной пляскѣ.

Къ сему увеселенію присоединяется также довольно дѣйствія отъ предразсужденія, подражанія и привычки. Нѣкоторый живый народъ, коего неугомонность и веселость стремятся наиболѣе къ движенію тѣла, сообщаетъ нравы свои всѣмъ прочимъ нашей части свѣта. По нраву своему долженъ оной любить пляску и составлять себѣ изъ того забаву: но его послѣдователи, хотя хладнѣе и важнѣе природою и нравомъ своимъ, думаютъ обрѣсть въ ней тоже самое удовольствіе, какое находитъ въ оной народъ имѣющій въ томъ дѣйствительную нужду. Въ таковыхъ обстоятельствахъ довольно того, чтобъ токмо извѣстнаго достоинства люди къ модѣ присоединили

нили свой примѣръ и утвердили бы онымъ мнѣнїе о прїятности какого нибудь упражненїя, дабы удостовѣрить тѣмъ нижнїя степени людей о точности того удовольствїя, которое они сами въ чемъ нибудь находятъ. Если пляска при пиршествахъ будетъ почитаться за знакъ нѣкоторыя отличности, то всякъ станетъ плясать изъ одного тщеславїя. Молодые люди видя сїи примѣры и слыша непрестанно коль увеселенїе сїе забавно, увѣряются наконецъ, что любить пляску есть знакъ ума и обходительности. Такимъ образомъ воображаютъ они себѣ вкушать удовольствїе въ такомъ упражненїи, которое бы конечно навело имъ скуску, ежелибы оное токмо не было возбуждаемо прелестїю воображенїя и моды. Послѣ сего чемъ болѣе уже предаются они сему упражненїю, тѣмъ сноснѣе и наконецъ необходимѣе становится имъ оное отъ привычки.

Разсматривая причины сего удовольствїя не трудно изъяснить, для чего прекрасной полъ обыкновенно болѣе являетъ пристрастїя къ пляскѣ, нежели мущины, долженствующїе имѣть больше

ше нужды въ шѣлодвиженіи будучи суровѣе ихъ сложеніемъ. Женщины чувствительнѣе ко всему тому, что ударяетъ на чувства, что имѣетъ нѣкоторой видъ позорища и что сколько нибудь заключаетъ въ себѣ согласія и соразмѣрности: по ихъ обстоятельствамъ должны онѣ болѣе искать себѣ малыхъ отличностей и особливыя той славы, чтобы плѣнять сердца оружіемъ своихъ прелестей; ибо онѣ не имѣютъ столько средствъ противу скуки, сколько мущины, которые имѣя болѣе способовъ къ просвѣщенію и обращаясь всегда въ дѣлахъ, прогоняютъ такимъ образомъ скуку свою чрезъ упражненіе. Наконецъ нельзя сомнѣваться, чтобы самая щепетливость ихъ не составляла главнѣйшія части того удовольствія, которое полъ сей въ пляскѣ находитъ. Новѣйшій нѣкоторый писатель присоединяетъ ко всѣмъ причинамъ симъ одну еще физическую, приписывая цѣломудріе женщинъ нѣкоего извѣстнаго народа недостатку случаевъ къ пляскѣ. Анатомикамъ остается изслѣдовать сколь далеко чудная сія причина простирается.

Прі-

Пріятность музыки зависитъ по большой части отъ чувствъ. Кажется, что есть нѣкоторое согласіе между жилками слуховаго строенія и нѣкоторыми извѣстными звонами соотвѣтствующими числомъ сотрясеній своихъ числу сотрясеній оныхъ жилокъ. Слѣдовательно звоны сіи подвигая слуховые уды безъ утружденія оныхъ, должны неотмѣнно причинять пріятныя впечатлѣнія. Есть такіе голоса, которые равно всѣмъ нравятся и кои даже чувствительны и малымъ дѣтямъ. Разность сложенія жилокъ есть причиною, что суровые люди, или тѣ кои имѣютъ жесткіе и неупражненные чувственные члены, любятъ болѣе крѣпкіе и грубые звуки, которые бы могли потрясти сопротивляющіяся ихъ малому движенію пріятнаго согласія жилки. Для сей самой причины не любятъ тѣ совсемъ музыки, кои имѣютъ какой нибудь недостатокъ въ слуховыхъ удахъ, или еще оной и ненавидятъ, если ни малѣйшія чувствительности въ себѣ не имѣютъ.

Однакоже сіе удовольствіе основывается не на однихъ токмо пріятныхъ ощущеніяхъ: умственныя забавы, въ

ономъ также соучаствуютъ. Сотрясенія тѣлъ, оные звуки производящія, имѣютъ между собою всегда опредѣленное содержаніе, которое чемъ удобоемнѣе и соотвѣтственнѣе размѣру голосовъ слуху нашему не противныхъ, тѣмъ намъ пріятнѣе. И поелику толстые голоса состоятъ изъ малаго числа сотрясеній а тонкіе изъ гораздо большаго, то и содержаніе сихъ послѣднихъ можно удобнѣе возчувствовать; что самое есть причиною, для чего скорость баса бываетъ слуху непріятна и для чего народъ предпочитаетъ составленныя изъ тонкихъ и проницательныхъ голосовъ сочиненія тѣмъ, кои основаны на толстыхъ и тихихъ.

Врожденность къ изрядству, порядку и согласію оказывается весьма примѣтно въ музыкѣ и придаетъ пріятности послѣдованію хорошо состроенныхъ голосовъ. По всюду, гдѣ находимъ мы порядокъ, чувствуемъ тамо и удовольствіе; размѣреніе же музыки показываетъ намъ порядокъ сей самымъ чувствительнымъ образомъ. Но какъ не всякъ равно въ состояніи судить о стройности движеній, то для суроваго слуха

слуха надобно быть простому порядку, безЪ чего оной для таковаго слуха будетЪ непримѣтенЪ. Невѣжи, чернь и дикіе народы находятЪ удовольствіе вЪ однихЪ токмо веселыхЪ и такихЪ пѣсняхЪ, которыхЪ бы разпорядокЪ былЪ и самому тугому слуху чувствителенЪ.

Для такихЪ же людей, которые слухЪ имѣютЪ нѣжнѣе, не довольно того, чтобы искусное сочиненіе заключало вЪ себѣ всю обильность согласія и удивляло бы новостію различныхЪ созвоновЪ, коихЪ содержаніе наполняетЪ безпрестанно ощутительные умы свѣденіемЪ ихЪ совершенства. Не довольно и того чтобы прекрасныя выходки соединяли созвоны сіи вЪ изрядномЪ разположеніи и округляли бы ихЪ по томЪ одною извѣстною мѣрою. Если музыка ничего собою не выражаетЪ, то оная не что иное есть какЪ одинЪ пустой шумЪ, скоро слухЪ утомляющій. Если же изЪявляетЪ собою такіе голоса, которые существуютЪ во природѣ, но при томЪ не касается прямо человѣка, то пріятность ея бываетЪ такова, какую чувствуемЪ мы при открытіи удачнаго какого нибудь подражанія. А если

если подходитЪ кЪ голосу страстей нашихЪ и если вмѣщаетЪ вЪ себѣ такїе звоны и образованїя, которыя соотвѣтствуютЪ наружнымЪ знакамЪ движенїй души нашея, тогда оная оживотворяется и тогда удовольствїе ея соединяясь со удовольствїемЪ сердца, достигаетЪ до высочайшїя степени живости. Инструментальная музыка, которая доселѣ еще весьма мало выраженїй вЪ себѣ содержитЪ, никакЪ чувствительностїю сЪ голосовою сравниться не можетЪ, коея изрядно ко стихамЪ подобранной голосЪ какЪ пѣнїемЪ такЪ и самыми рѣчами насЪ поражаетЪ. И сомнѣваться нечего, чтобы удовольствїе страстей не производило всея прелести хорошїя музыки.

Между тѣмЪ предразсужденїе и привычка наиболѣе дѣйствуютЪ при составленїи прїятности сего увеселенїя. Часто собираемся мы на концерты какЪ бы на нѣкїя торжества, вЪ которыхЪ знатность и множество дѣйствователей обѣщаютЪ намЪ особое и изящное удовольствїе. Мы внимаемЪ огромную тамо музыку, составленную изЪ великаго числа различныхЪ мусикїйскихЪ орудїй

и скучаемъ наконецъ не смѣя никому того открыть за тѣмъ, что мы находимся между хорошею бесѣдою и посреди такъ называемого увеселенія. Если бы различали истинную музыку отъ той, которая почти безъ всякихъ выраженій, которая не что иное есть какъ одно послѣдованіе голосовъ и которая ничего достойнаго вниманія въ себѣ не содержитъ кромѣ преодолѣнія трудности: то бы конечно избавилися мы не мало отъ излишняго шума, скуки, труда и расхода. Но намъ сказываютъ, что всякая музыка есть увеселеніе и мы тому вѣримъ.

При семъ увеселеніи привычка столь сильна, что всякой народъ воображаетъ себѣ имѣть найлучшую музыку, хотя оная у всѣхъ несовершенна, недостаточна созвонами, ограничена вся одною выходкою и одинакова всегда въ своемъ ходѣ. Но не смотря на то почитаютъ оную за изящную и одно сомнѣніе о совершенствѣ ея есть уже родъ беззаконія. Говорятъ, что каждой народъ долженъ имѣть свою особую музыку соотвѣтственно умоначертанію своему, какъ будто бы естество не тоже было самое во

всѣхъ

странахъ, какъ бы согласіе не было нѣчто существенное и выходка бы неосновывалась на выраженіи сердечныхъ движеній. Изъ единаго токмо невѣдѣнія прилѣпляется Арапъ и внемлетъ Китаецъ терпѣливо такимъ пѣснямъ которыя въ себѣ ни малѣйшаго согласія и выходки не содержатъ. Для той же самой причины и другаго еще обыкновенія народъ восхищается воплемъ и безчинными пѣснями.

Хотя словомъ *зрѣлище* означаются обыкновенно театральныя токмо представленія, однакоже можно подъ онымъ разумѣть и все то, что привлекаетъ глаза общества и ноги черни для зрѣнія или слушанія. Удовольствіе зрѣлищъ сихъ имѣетъ тѣже почти самыя причины, которыя для театральныхъ, гдѣ однакоже онѣ нѣсколько отмѣнны, въ разсужденіи единаго токмо рода таковыхъ зрѣлищъ, въ коихъ умственныя удовольствія еще мѣсто имѣть могутъ.

Нѣкоторыя зрѣлища какъ напримѣръ торжества могутъ произвести вдругъ на многія чувства пріятныя впечатлѣнія, поелику онѣ заключа-

ютъ

ютЪ вЪ себѣ различные предмѣты; но причиняемое ими удовольствіе зависитЪ единственно отЪ ощущеній. Есть еще другія зрѣлища, которыя по истинѣ не предЪявляютЪ такихЪ предмѣтовЪ чувствамЪ нашимЪ, которые бы могли имЪ понравиться: но вЪ такомЪ случаѣ новость прикрашаетЪ предмѣты, коихЪ явленіе и причиняетЪ вЪ насЪ потому нѣкоторое удовольствіе, что оное не всегда намЪ представляется. Чувствіе новости однакоже бываетЪ относительно и соразмѣрно количеству понятій того, кто оное ощущаетЪ. МужикЪ сЪ такою же жадностію бѣжитЪ смотрѣть деревенкой свадьбы, сЪ какою знатной человѣкЪ коронованія, и чернь столькоже находитЪ удовольствія вЪ разглядываніи какого нибудь чудовища, сколько просвѣщенный человѣкЪ вЪ созерцаніи лѣпоты изящныхЪ художествЪ. Пустота ума, которая производитЪ отчасти скуку, есть также причиною и тому, что скучливый находитЪ во всемЪ забаву и довольствуется всегда бесѣдою перваго, кто ему попадется, только бы онЪ могЪ открыть свои глаза и отверзти слухЪ для приятія нѣсколькихЪ такихЪ впечатлѣній, кото-

рыя

рыя бы могли сколько нибудь разогнать его тоску, по чему и всякое зрѣлище кажется ему хорошо и удовлетворительно. Театральное увеселенїе зависитъ такъ же безъ сомнѣнїя отъ зрѣлищнаго удовольствїя вообще и отъ облегченїя печали, главнаго источника скуки. Въ семъ удовлетвориться можно будетъ, если кто захочетъ обратить вниманїе свое на толпу тѣхъ праздно шатающихся невѣжъ, кои слоняются по театрамъ не съ тѣмъ, чтобы насладиться красотою представляемаго позорища, котораго они со всемъ не внемлютъ, но съ тѣмъ чтобы единственно видѣть и быть при тѣхъ ребячествахъ коими токмо позорятъ напрасно зрѣлища. Но не смотря на то театральная забава заключаетъ въ себѣ много и для просвѣщенныхъ людей умственнаго удовольствїя.

Способности душевныя бываютъ прїятно упражняемы, созерцанїемъ истиннаго и живаго описанїя страстей и нравовъ, созерцанїемъ искуства въ произведенїи самого представленїя, красоты выраженїй и наконецъ толь удачнаго природѣ въ самой игрѣ дѣйствова-

вателей. Съ сей стороны можно почесть театръ за пристойнѣйшее увеселенiе для умнаго и просвѣщеннаго народа.

Однакоже страсти имѣютъ и при театрѣ главнѣйшее участiе такъ какъ и при большей части другихъ зрѣлищъ. Та самая причина, которая влечетъ простой народъ на страшное видѣнiе какiя нибудь казни, приводитъ порядочнаго человѣка ко зрѣлищу представляемыя трагедiи. Всякъ желаетъ быть изъятъ изъ тишины столь для насъ несносной, и всякъ избираетъ себѣ предмѣты соотвѣтствующiе наиболѣе свойству тѣхъ страстей, къ которымъ кто привыкъ или какiя кто ощущать можетъ. Народъ, которой однѣ токмо грубыя или жестокiя впечатлѣнiя подъять можетъ, утѣшается ужасными и кровiю обагряемыми позорищами и весьма страстно желаетъ присутствовать на всѣхъ битвахъ и травляхъ, гдѣ токмо звѣрскiя сiи увеселенiя позволительны. Тончайшаго же вкуса люди могущiе ощущать нѣжнѣйшiя склонности, наслаждаются созерцанiемъ собственныхъ своихъ страстей въ чужихъ лицахъ. Наконецъ надобность страстей

къ составленію истинныя приятности театральныхъ позорищъ доказывается лучше всего худымъ успѣхомъ тѣхъ представленій, которыя не трогаютъ сердецъ, хотя и сочинены по всѣмъ правиламъ искуства, разума и остроты. Для приобрѣтенія же общественныя похвалы надобно почерпать красоту къ сочиненію изъ самихъ чувствій.

Не льзя не признаться, чтобы привычка и предразсужденія не содѣйствовали во многомъ зрѣлищному удовольствію. Ибо какъ иначе изъяснить склонность знатнѣйшихъ особъ и самаго даже прекраснаго пола къ лютымъ позорищамъ? Если по злощастной привычкѣ сіи сами по себѣ гнусныя представленія содѣлаются нѣкоего рода модою; то тогда смѣшиваются онѣ со обычаями, омерзѣніе исчезаетъ, воображеніе мало по малу къ нимъ привыкаетъ и человѣкъ предавшійся неистовымъ и буйнымъ таковымъ забавамъ нестыдится уже находить въ томъ удовольствія. Мода придаетъ такъже приятность свою и невиннымъ увеселеніямъ, кои однакоже ничемъ болѣе тронуть насъ не могутъ, какъ токмо тѣмъже самимъ

мимЪ мнѣнїемЪ, которое мы о нихЪ имѣть желаемЪ. Если же еще кЪ тому споспѣшествуетЪ вѣра чрезЪ освященїе свое, то и самыя смѣшныя и глупыя позорища заемлютЪ себѣ немалыя отЪ святости ея прелести.

ИзЪ всѣхЪ забавЪ игра есть единая, которая не содержитЪ вЪ себѣ никакого примѣса отЪ чувственныхЪ удовольствїй, да и умственныя соединены сЪ нею весьма несовершеннымЪ образомЪ. Есть безспорно такїя игры, которыя требуютЪ извѣстнаго нѣкотораго искуства и кои упражняютЪ умЪ различною своею связїю. Однакоже удовольствїе сїе произходящее отЪ упражненїя способностей нашихЪ, не можетЪ никакЪ быть велико, когда токмо разсудимЪ, что искуство игры есть изЪ числа послѣднихЪ дарованїй. Тупыя головы обладаютЪ онымЪ иногда вЪ гораздо вышшемЪ степени, нежели самыя острѣйшїя; ибо первыя гораздо склоннѣе и способнѣе кЪ обращенїю потребнаго вниманїя на преуспѣнїе вЪ бездѣлицахЪ, нежели послѣднїя, которыя таковыя пустоши презираютЪ. Преимущество, которое вообще даютЪ тѣмЪ играмЪ, вЪ

коихъ все зависитъ отъ удачи предъ тѣми, въ коихъ дѣйствуетъ одно умѣніе, доказываетъ еще болѣе, сколь мало умственныя удовольствія участвуютъ въ составленіи удовольствія игры. Не льзя почти совсемъ и сравнить неистовства къ удачнымъ играмъ противу страсти къ играмъ умѣнія требующимъ; ибо тѣ, кои подвержены единственно слѣпому случаю всегда болѣе распаляютъ игрока нежели тѣ, въ коихъ разумъ можетъ оказывать свою силу.

И такъ въ страстяхъ надлежитъ искать главнѣйшаго источника удовольствія игры. Истинну сію узнать можно по сребролюбію игроковъ; ибо и сомнѣваться нечего, чтобы страсть къ корысти и надежда выигрыша не составляли главной части удовольствія тѣхъ людей, которые большую игру предпочитаютъ умѣренной. Сей же самой случай бываетъ съ тѣми, въ которыхъ подъ исходъ уже ихъ лѣтъ либо возраждается, либо усугубляется охота къ игрѣ, когда всѣ прочія погасшія страсти уступаютъ мѣсто свое сребролюбію. Есть однакоже такіе люди, которые, будучи въ прочемъ щедры и даже расто-

почительны, сожалѣютъ о малѣйшемъ въ игрѣ претерпѣнномъ уронѣ гораздо болѣе, нежели о самыхъ большихъ другихъ своихъ издержкахъ, и которые дѣлаются въ игрѣ скучливыми не переставая при томъ оной любить. Слѣдовательно надобно, чтобы еще другія какія страсти для составленія удовольствія удачливыхъ игоръ содѣйствовали корыстолюбію. Да и въ тѣхъ играхъ, кои требуютъ умѣнія, не можетъ одна слава, чтобы одержать верхъ надъ совмѣстниками своими, привлекать къ онымъ игроковъ сама собою съ такою силою, которая бы могла преодолѣть естественное отвращеніе отъ всегдашняго и одинакаго упражненія.

Многія наши чувства кажутся быть зависимыми отъ нѣкоего тайнаго побужденія, сокрывающагося по темности своей отъ нашего проницанія, но не теряющаго однакоже по тому ни мало своея сущности Врожденность къ сохраненію себя и природная лѣность человѣка суть причиною лестного нашего о самихъ себѣ мнѣнія, что мы одни составляемъ предмѣтъ непосредственнаго Божія попеченія и управленія: мысль

гордости нашей приятная и освобождающая насъ отъ труда пещись самимъ о устроенiи поступокъ нашихъ. Не вѣроятно, коль несвязны людскiя понятiя о такъ называемомъ случаѣ или щастiи; и какое множество нестройныхъ воображенiй либо о прямомъ дѣйствiи особаго провидѣнiя, либо о помощи нѣкоторыхъ невидимыхъ и неизвѣстныхъ существъ, управляющихъ тѣми случайными произшествiями, кои относятся къ обширному слову *щастiе*! Мы надмѣваемся когда ощастливены судьбою, но смиряемся когда жребiй намъ противенъ. Въ игрѣ имѣемъ мы случаи испытывать безпрестанно щастiе наше; и нѣтъ сомнѣнiя чтобы дѣйствiе и воздѣйствiе сiе страстей надежды, тщеславiя, боязни и уничиженiя не составляли самого удовольствiя игры.

Поелику страсти составляютъ наипаче приятность игры; то ясно видѣть можно, что какъ скука, такъ и привычка равно въ томъ соучаствуютъ. Предмѣты сильнѣйшихъ страстей представляются намъ токмо по времени; но случаи къ игрѣ находятся всегда, и всякъ можетъ поминутно какъ умножить,

такъ

такъ и умалить свое къ оной пристрастіе, смотря потому какъ ему вздумается и какъ того надобность воздѣйствія страстей потребуетъ. Привычка предаватся движеніямъ симъ содѣлываетъ оныя мало по малу намъ надобными, а удовлетвореніе какъ естественныя, такъ и художественныя надобности есть всегда нѣкоторой родъ удовольствія или приятности. Для сей причины преклоняется обыкновенно женскій полъ къ игрѣ подъ исходъ красоты своея и когда уже оной не въ состояніи бываетъ болѣе удовлетворять любезнѣйшей своей страсти. Сверхъ сего тщеславіе и предразсужденіе могутъ еще болѣе къ удовольствію сему способствовать. Если игра содѣлается сперьва забавою знатности; то вкусъ охоты сея перейдетъ мало по малу и къ нижшимъ чинамъ и люди станутъ даже со скуки умирать надъ оною, токмо бы другіе думали объ нихъ, что они забавляются пристойнымъ и моднымъ образомъ.

Когда надлежитъ судить о чьемъ нибудь умоначертаніи по выбору забавъ его и увеселеній, то въ такомъ случаѣ надлежитъ всегда имѣть нѣкоторую

разсмотрительность и предосторожность. Большая часть нравовЪ состоитЪ изЪ толь многоразличныхЪ качествЪ, что оныя сами себѣ кажутся противоборствующими. Всѣ тѣ обманываются, которые опредѣляютЪ нравственную существенность человѣка по какимЪ нибудь однимЪ токмо отдѣльнымЪ его частямЪ, не соединяя ихЪ вмѣстѣ; ибо здѣсь точно такЪ какЪ и вЪ физіономіи или лиценачертаніи, что порознь взятыя черты ничего не означаютЪ, но вмѣстѣ совокупленныя подаютЪ нѣкоторыя знаменія ко угаданію душевнаго сложенія. Неразумно бы было заключать изЪ охоты какого нибудь человѣка кЪ какой либо забавѣ, что онЪ одинакого нрава сЪ тѣми, которые по природѣ своей должны любить сіе увеселеніе: надлежитЪ всегда напередЪ разсмотрѣть то, что побуждаетЪ его кЪ охотѣ сей, привычка ли, или другія страсти. Никакой человѣкЪ не можетЪ обратить на одного себя общихЪ вЪ статьи сей утвержденныхЪ истиннЪ, не вопросивЪ самЪ себя напередЪ о настоящихЪ причинахЪ, для коихЪ онЪ предпочитаетЪ одно удовольствіе другому. Хотя взятыя отЪ предпочтенія сего заключе

нія обыкновено и бываютъ весьма вѣроятныя предначертанія и догадки нравственнаго его свойства: но для познанія самыя точности надлежитъ оныя причины всегда присовокуплять къ прочимъ, толь многоразличнымъ знаменіямъ. Когда говорится что пустота ума и скука придаютъ приятности полевой охотѣ или ловлѣ; то чрезъ сіе еще не означается, чтобы всѣ охотники были необходимо невѣжи; но симъ изъявляется токмо такая истинна, которая разопредѣляется еще тысячею другихъ причинъ и обстоятельствъ, какъ то каждому увѣриться можно чрезъ внимательное разсмотрѣніе причинъ обрѣтаемаго во увеселеніи семъ удовольствія.

Человѣкъ любящій однѣ токмо чувственныя удовольствія ничего особо хорошаго въ разсужденіи нрава своего не показываетъ. Предпочтеніе сіе доказываетъ неспособность его вкушать благороднѣйшія забавы, грубость его сложенія, нерадивость воспитанія и нещастную привычку къ чувственности. И тотъ кто единственно помышляетъ о доставленіи себѣ токмо общихъ съ прочими животными удовольствій, теряетъ на ко-

нецъ все чувствіе человѣчества, забываетъ свои должности и оставляетъ дарованія свои въ запустѣніи. Но симъ не утверждается, чтобы благоразумные и достойные люди не могли быть до нѣкотораго извѣстнаго степени чувственны: были такіе, которые умѣли добродѣтель и мудрость совокупить съ разборчивымъ сладострастіемъ. Небольшая чувственность показываетъ еще нѣжность нравовъ и тонкость ощущеній, которая необходимо нужна для преклонности ума и лѣпоты воображенія. Но надобно будетъ отличать сего рода сластолюбцевъ отъ тѣхъ, кои скотскимъ образомъ предаются тѣлеснымъ своимъ прихотямъ, ибо отсюда видно что первые стольже чувствительны къ умственнымъ и сердечнымъ удовольствіямъ, какъ и тѣлеснымъ. Однакоже и тутъ мало такихъ сыщется примѣровъ, что бы и великимъ людямъ охота сія къ чувственности не причинила нарочитаго вреда.

Весьма мало такихъ людей, которые бы, вкушая однѣ токмо умственныя и сердечныя забавы, исключали совсемъ чувственныя. Если имъ послѣднія

нія сіи забавы постыли отъ разстроенія ихъ удовъ, то воздержаніе сіе ничемъ не удивительно. Однакоже и принужденное сіе лишеніе крайне уже бываетъ полезно; ибо слабость здравія не рѣдко отворяетъ путь къ великимъ дарованіямъ и добродѣтелямъ. Одни тѣ, которые или отъ разсужденія, или отъ испытанія живости умственныхъ и сердечныхъ забавъ, предпочитаютъ удовольствія сіи простымъ и льстивымъ ощущеніямъ, предопредѣлены токмо бываютъ для великихъ дѣяній и возмогутъ привлещи къ себѣ почтеніе отъ общества. Разности забавъ сихъ могли бы еще подать множество знаковъ, по которымъ бы можно было опредѣлить роды самыхъ лучшихъ умоначертаній; но подробность сія будетъ чрезвычайно велика; да она же какъ кажется, уже и довольно извѣстна.

Есть люди, которые не токмо съ жадностію ищутъ себѣ вездѣ увеселеній, но которые страстію сею нарочно тщеславятся Если склонность сія врожденна, что нетрудно усмотрѣть, то она показываетъ либо надобность упражненія чувствъ, либо неспособность къ лучшимъ

шимъ увеселенiямъ, либо великую скучливость. Такимъ образомъ страсть ко всѣмъ симъ увеселенiямъ вообще изъявляетъ, что разумъ мало просвѣщенъ и что душевныя движенiя въ безпорядкѣ: она же означаетъ еще нѣкоторое легкомыслiе, непрестанное смятенiе, невозможность собесѣдованiя съ самимъ собою и великую зависимость отъ другихъ въ разсужденiи его благополучiя. Страсть сiя, можетъ быть правда сопряжена съ живностiю сложенiя, которая весьма выгодна для прiобрѣтенiя прекраснѣйшихъ качествъ, но которая если во зло употреблена будетъ, то превращается въ безпокойство и буйность. Почему умоначертанiе таковыхъ людей подобно бываетъ тѣмъ составнымъ творенiямъ, въ коихъ какая нибудь драгоцѣнность въ кускѣ самаго простаго вещества заключается. Умоначертанiе такое состоитъ изъ тысящи бездѣлушекъ, къ которымъ примѣшано нѣсколько похвальныхъ свойствъ; но все то вмѣстѣ не составляетъ ничего величественнаго и уваженiя достойнаго.

Не можно быть хорошаго мнѣнія о тѣхъ людяхъ, кои имѣютъ стремительную склонность къ забавамъ, и кои вдаются непрестанно во увеселенія. Поступокъ таковый есть либо нарочная суета, либо означительная примѣта совершенныя скудости размышленія. Слабые умы видя всеобщее рвеніе праздныхъ чиновъ ко увеселеніямъ, ослѣпляются блескомъ ихъ утвержденій и влекутся неволею ко уваженію всего, что токмо упражняетъ людей наружно ими почитаемыхъ. Они подражаютъ рабскимъ образомъ мнимой ихъ хорошей бесѣдѣ, и показываются нарочно страстными къ таковымъ забавамъ, коихъ они въ самомъ дѣлѣ совсемъ не чувствуютъ. Если же напротиву того страсть сія въ нихъ врожденна или обычайна отъ привычки; то все то что сказано было о настоящихъ любителяхъ увеселеній, слѣдующихъ безъ всякаго тщеславія вкусу своему, прилично такъ же и вѣчнымъ симъ славословителямъ забавъ. Проповѣдники сіи поступаютъ иногда столь далеко, что они думаютъ обратить весь свѣтъ на свой вкусъ и почитаютъ отвращеніе отъ подлыхъ ихъ забавъ за знакъ гру-

бости и великаго несовершенства умоначертанія, въ чемъ они уподобляются малымъ ребятамъ презирающимъ взрослыхъ за то, что они не любятъ болѣе лакомиться.

Отвращеніе отъ увеселеній можетъ имѣть двѣ главнѣйшія причины. Есть угрюмаго и задумчиваго нрава люди, кои по худому сложенію тѣла не въ состояніи принимать пріятныхъ впечатлѣній. Чувствіе нещастнаго бытія производитъ во нравахъ сихъ обычайную печаль, которая дѣлаетъ имъ ненавистными всѣ впечатлѣнія такія радости, которая имъ совсемъ чужда. Если къ сему печальному расположенію присовокупятся еще превратности сильнаго воображенія или блужденія застращенныя и увѣряющіяся на томъ совѣсти, что божество утѣшается мученіями твари своея: то находящійся по среди таковыхъ мрачностей человѣкъ не можетъ ничего вкушать, кромѣ токмо того, что питаетъ темныя его воображенія, и онъ почитаетъ за грѣхъ увеселенія. Для сей то самой причины раскольники и суевѣры были всегда наибольшіе и самыхъ невинныхъ увеселеній

нїй враги. Отвращенїе таковаго умоначертанїя людей отъ увеселенїй не можетъ ничего больше внушить разумному человѣку, кромѣ одного сожалѣнїя къ симъ нещастнымъ.

Другая причина отвращенїя сего отъ увеселенїй есть совсемъ инаго рода. Человѣкъ просвѣщенный науками и разными художественными познанїями, имѣющїй предъ собою за всегда пространнѣйшее поле самыхъ удовольственнѣйшихъ упражненїй и вѣдающїй всѣ прелести добродѣтели, не можетъ предаться таковымъ бездѣлицамъ, которыя въ состоянїи токмо наполнить пустоту сердецъ праздныхъ людей, и тратить на прасно на суетныя упражненїя свое время. Онъ приобыкъ къ гораздо живѣйшимъ удовольствїямъ, нежели чтобы могъ снити когда къ такимъ, которыя всю приятность свою заемлютъ либо отъ одной скуки, которой онъ вовсе непричастенъ, либо отъ предразсужденїя, либо отъ привычки. Въ такомъ случаѣ весьма справедливо правило нѣкотораго изъ новѣйшихъ нашихъ философовъ, что скука ко всѣмъ народнымъ увеселенїямъ есть естественное

ное слѣдствіе отъ вкуса ко добродѣтели. Однакоже при семъ не должно обманываться поступкомъ безчувственныхъ и скудоумныхъ, которые злоупотребляя правило сіе для прикрытія несмысленности своея, притворяютъ на себя мудрость, какъ недугъ, дабы возстановить тѣмъ упадшую честь ума своего. Надобно напередъ, чтобы способность къ избранію вышшаго рода забавъ, была точно засвидѣтельствована, и возможность предохраненія себя отъ скуки точно утверждена; дабы потомъ смѣть презирать народныя увеселенія и вмѣнять себѣ то въ достоинство, не опасаяся укоризны нарочнаго лицеприятія.

Приводя себѣ на память изслѣдованіе наше причинъ различныхъ тѣхъ удовольствій, каковыя производятъ въ насъ увеселенія, и наблюдая притомъ вышепоказанныя въ суженіи предосторожности, нетрудно будетъ открыть настоящія знаменія, представляемыя намъ выборомъ увеселеній, для опредѣленія свойства умоначертанія. Склонность къ тѣлесымъ подвигамъ вообще означаетъ либо крѣпкаго, либо безпокойнаго, либо скучливаго

ливаго человѣка, смотря потому съ какими другими извѣстными качествами она сопряжена будетъ, съ просвѣщенїемъ ли разума, или невѣжествомъ. Такимъ же образомъ должно судить и о страсти къ ловли, заключающей въ себѣ сверьхъ того великую склонность ко превратному любочестїю и нѣкотрому роду звѣрства; если токмо мысленное сїе удовольствїе не произходитъ и отъ одной привычки. Страсть къ пляскѣ рѣдко бываетъ знакомъ крѣпкаго сложенїя: и если оная не относится къ тѣлеснымъ нуждамъ первыя молодости; то означаетъ паче безпокойность, легкомыслїе, скучливость, непостоянство и самолюбїе. Не безъ причины почитается страсть сїя между самими просвѣщеннѣйшими народами смѣшною тогда, когда оная находится въ пожилыхъ людяхъ. Благопристойность обхожденїя и истинная вѣжливость предписываютъ различныя забавы по различнымъ временамъ жизни, и слѣды ребячества обезображиваютъ всегда умоначертанїе возмужалыхъ или престарѣлыхъ людей.

Если кто не любитъ музыки, о такомъ думать должно, что онъ имѣ-

етъ либо какой нибудь недостатокъ во удахъ своихъ, коихъ тугость препятствуетъ ощущать пріятныя впечатлѣнія, либо нѣкоторую во нравѣ угрюмость отъемлющую у него способность къ возчувствованію всѣхъ прелестей хорошія музыки, отъ коея отвращеніе почитали уже и древніе за нѣкое препятствіе ко пріобрѣтенію добродѣтели и другихъ хорошихъ качествъ. Охота ко удовольствію сему подаетъ различные признаки, смотря по свойству самыя музыки. Предпочтеніе тугихъ и проницательныхъ голосовъ или звоновъ, какъ то воинскія и варварскія складныя музыки, доказываетъ грубость нрава и чувственныхъ тѣлесныхъ членовъ: единое же прилѣпленіе къ живой и мѣрной игрѣ означаетъ вѣтреность и безпокойство или и незнаніе тонкостей искуства. Но страсть къ истинной музыкѣ есть всегда знакъ тонкости вкуса и чувствительности ко всему прекрасному, а потому не рѣдко кротости нрава и обычая.

Страсть ко зрѣлищамъ означаетъ либо похвальныя качества либо пороки смотря

смотря по выбору оныхЪ: и всякое зрѣлище соотвѣтственно либо лютости своей, либо грубости, либо тонкости либо льщенїю какой нибудь страсти и возбужденїю какихЪ душевныхЪ чувствованїй, изЪявляетЪ всегда предпочтенїемЪ своимЪ во нравѣ людей оному преданныхЪ такїя качества, которыя со свойствомЪ увеселенїй сихЪ согласны. Для простаго и непросвѣщеннаго народа всякое явленїе кажется диковинкою; и человѣкЪ, плѣняющїйся всемЪ на свѣтѣ, яко позорищемЪ, и котораго главнѣйшее вЪ жизни упражненїе состоитЪ вЪ видѣнїи или глазѣнїи, есть конечно человѣкЪ безпокойный и скучливый. ТотЪ, кто находитЪ удовольствїе вЪ страшныхЪ битвахЪ и остервененїи животныхЪ, показываетЪ тѣмЪ свирѣпость своего нрава: тотЪ же, кто самЪ себя представляетЪ на позорище другимЪ, доказываетЪ чрезЪ то свое тщеславїе и свою суетность. Единое театральное удовольствїе, если оное токмо вкушаемо будетЪ сЪ разборчивостїю, можетЪ означать достойныя душевныя и тѣлесныя качества.

СЪ какою бы кто снисходительностїю ни говорилЪ о вкусѣ частныхЪ людей, и какЪ бы кто ни извинялЪ обычаи сего вѣка; но никогда не можно будетЪ ничего открыть такого, что бы страсть кЪ игрѣ сколько нибудь оправдать могло. Здѣсь не говорю я о тѣхЪ людяхЪ, которые не имѣя другаго способа забавляются иногда умѣренною игрою вмѣсто отдыха отЪ упражненїй своихЪ, яко такимЪ увеселенїемЪ, которое они всегда себѣ доставить вЪ силахЪ, ниже о тѣхЪ, которые по чрезвычайному своему снисхожденїю вдаются сами вЪ скуку, дабы чрезЪ то позабавить токмо другихЪ. Но говорю о прямыхЪ игрокахЪ, вЪ лицѣ коихЪ ничего болѣе найти не льзя кромѣ людей безпокойныхЪ, скучливыхЪ и вовсе страстямЪ слѣпыя удачи и корысти преданныхЪ. Во умоначертанїи таковыхЪ людей нѣтЪ ничего достойнаго, а особливо если страсть ихЪ превратится вЪ неистовство и поглотитЪ собою весь другїй вкусЪ, какЪ то нерѣдко и случается. Если тщеславїе и предразсужденїе способствуютЪ во укрѣпленїи страсти кЪ игрѣ; то сїе доказываетЪ совершенную слабость ума и разсужденїя, увлечен-

ченнаго быстриною перваго заблужденія. Все то, что можетъ еще нѣсколько извинить таковую страсть, состоитъ въ томъ, что оная спомоществуетъ праздношатающимся людямъ ко облегченію бремени несносной и тягостной ихъ жизни чрезъ премѣненіе единообразности скучнаго ихъ состоянія.

Справедливость сихъ означеній яснѣе еще тогда окажется, когда разсмотрены будутъ причины выбора тѣхъ забавъ и увеселеній, какія у какихъ народовъ наиболѣе во обыкновеніи. Ибо тогда наидется, что онѣ всегда бываютъ соотвѣтственны либо природному умоначертанію народа, либо заемлемому имъ отъ вліянія правительства, вѣры и обычаевъ своихъ; что забавы премѣняются по мѣрѣ просвѣщенія, и что въ последующіе вѣки неотмѣнно должно быть въ презрѣніи то, что въ предыдущіе высоко было почитаемо.

Варвары или непросвѣщенные народы не знаютъ иныхъ забавъ, кромѣ чувственныхъ, и страсть ихъ къ онымъ должна быть тѣмъ живѣе, чемъ большія сложеніе ихъ чувственности. Жи-

тели жаркихъ странъ, коихъ уды и къ самымъ малѣйшимъ впечатлѣнiямъ ощутительны, полагаютъ все блаженство свое во удовольствованiи тѣлесныхъ чувствъ. Если есть у нихъ какая вѣра, то оная бываетъ обыкновенно чувственная же; и ихъ необузданная вольность, дѣлающая имъ все позволительнымъ такъ какъ и уничижающее разумъ ихъ рабство, соучаствуютъ равномѣрно въ содѣланiи ихъ равнодушными или холодными ко всему тому, что не утоляетъ жестокихъ ихъ прихотей. Между восточными народами, самодержавiе толь много невѣжеству способствующее и всѣ другiя страсти въ одни оковы заключающее умножаетъ силу оставшiяся страсти ко ощущенiямъ; злощастные невольники утѣшаются въ потерѣ правъ своихъ человѣчества вкушенiемъ послѣдняго того блага, котораго властелинъ ихъ отнять у нихъ не въ силахъ. Въ сераляхъ, или жилищахъ рабства, лишенныя всякаго воспитанiя, обхожденiя и свѣта женщины бываютъ пребезмѣрныя чувственности.

Одни просвѣщенные, общежительные и подъ умѣреннымъ правленїемъ живущїе народы, могутъ токмо предаваться увеселенїямъ разума и сердца. Для сего то прекрасные вѣки, честь роду человѣческому приносящїе и были приуготовлены степеннымъ послѣдованїемъ знанїй и явилися у народовъ находящихся въ семъ щасливомъ положенїи. Прочїе же люди вкушаютъ отъ забавъ сихъ болѣе или менѣе въ разсужденїи другихъ, смотря по количеству озаряющаго умы ихъ свѣта. Однакоже прелести оныхъ столь велики, что и дикїе не имѣющїе у себя самыхъ нужнѣйшихъ художествъ, не могутъ имъ противиться; и если не достигнутъ сами до высокихъ познанїй наукъ и художествъ, то по крайней мѣрѣ стараются наслаждаться изображенїями естественныхъ красотъ и дѣйствїй страстей.

Въ разсужденїи увеселенїй, забавами называемыхъ, должно вообще примѣчать, что сѣдалище оныхъ бываетъ обыкновенно въ умѣренныхъ правленїяхъ, гдѣ чувствїе вольности и нѣкоторыя обильности призываетъ къ веселїю, побу-

ждая пользоваться досугами произходящими отъ неравенства состояній. Самодержавіе и республиканскій духъ нетерпятъ оныхъ почти равно, хотя бы народъ по умоначертанію своему и былъ къ онымъ склоненъ. Страхъ удушаетъ тщеславіе, удаляетъ отъ общества и вперяетъ обычную задумчивость: слѣдовательно ни одна изъ тѣхъ причинъ, отъ коихъ пріятность сихъ забавъ произходитъ, не можетъ имѣть мѣста въ самодержавныхъ правительствахъ. Чемъ болѣе самовластіе умножается, тѣмъ болѣе общая достаточность умаляется, веселость народа изчезаетъ, и болѣзнь нищеты содѣлываетъ его совсемъ нечувствительнымъ ко увеселеніямъ.

Въ малыхъ же республикахъ тщаніе о сохраненіи слабаго государства предупреждаетъ все то, что хотя видъ токмо роскоши на себѣ имѣетъ: тамъ страшны всякія увеселительныя позорища. Сверхъ того и образующія республиканца свойства имѣютъ нѣчто въ себѣ строптиваго или угрюмаго, чрезъ что дѣйствіе пріятныхъ ощущеній уменьшается. Да и

строй-

стройность градоначалія управляемая безпрестанно висящею надъ главами гражданъ властію, не даетъ имъ вкушать увеселеній, поставляемыхъ тутъ въ вину безпорядка. Если же будутъ еще прикладывать и къ самымъ простѣйшимъ житейскимъ случаямъ правила вѣры, съ особливымъ и излишнимъ мудрованіемъ толкованныя, то и дѣтскія игры сочтены будутъ престрашными грѣхами, а пустыя и много что презрѣнія достойныя увеселенія преступленіями.

Страсть ко упражненію тѣла бываетъ обыкновенно токмо у грубыхъ, ратныхъ и крѣпкихъ народовъ. Дикіе, которые привыкли ко утомленію, незнаютъ никакого умственнаго или душевнаго упражненія и находятся въ безпрестанныхъ всегда воинахъ съ сосѣдами своими, любятъ усильныя движенія и полагаютъ наибольшее свое достоинство въ силѣ и проворности. Древніе Германцы, будучи въ такомъ же положеніи, имѣли таковый же и вкусъ; да и нынѣшніе жители сѣверныхъ странъ, хотя и просвѣщеннѣе, однакоже имѣютъ еще болѣе склон-

 ности

ности къ тѣлодвиженіямъ, нежели полуденные народы, которые по причинѣ нѣжнѣйшаго ихъ сложенія, не имѣютъ тѣхъ же самыхъ нуждъ удовлетворять. Всѣ Татарскіе народы имѣли какъ въ прошлыя времена, такъ и нынѣ имѣютъ еще непрестанную и при томъ столь сильную привычку ѣздить верьхомъ, что не могутъ почти совсемъ ходить пѣшкомъ. Въ Европѣ въ непросвѣщенныя времена средняго вѣка, были самыя тяжелыя и опасныя тѣлесныя упражненія забавою и славою знатнѣйшія части народа.

Можетъ быть покажется, что Греки и Римляне, два хотя просвѣщенные и умные, однакоже тѣлеснымъ упра жненіямъ весьма преданные народа, дѣлаютъ выключку изъ сего правила. Но если разсмотрѣть прилѣжно побужденія ихъ къ сей охотѣ, то найдется, что оныя произходятъ такъ же отъ общей причины. Всѣ народы были съ начала дикими: они просвѣщаяся мало по малу удерживали всегда за собою нѣкоторые слѣды своей первобытности. Случая сего не избѣгли и вышепомянутые народы, у коихъ тѣлесныя

упра-

упражненія составляли такимъ образомъ немалую частъ ихъ обычаевъ; дѣйствіе сіе было потому еще неминуемо, что обстоятельства малыхъ республикъ, у коихъ безпрестанныя всегда бывали распри, дѣлали воинскія достоинства необходимыми. Остатки дикости и междоусобія Готѳскаго правленія, были такъ же главнѣйшею причиною у предковъ нашихъ, для коея они столько любили и почитали тѣлесныя тѣ упражненія, которыя имѣли хотя нѣкоторое токмо съ военными дѣйствіями сходство или которыя хотя нѣсколько могли быть въ оныхъ полезны.

Не смотря на склонность обоихъ сихъ народовъ ко всѣмъ тѣлеснымъ упражненіямъ вообще, не имѣли они нималѣйшаго пристрастія къ охотѣ или ловлѣ. *Тацитъ* приводитъ въ доказательство невѣжества Парѳянъ отвращеніе ихъ къ одному изъ своихъ Государей за то, что онъ потерялъ страсть къ охотѣ во время пребыванія своего въ Римѣ; ибо они любили сіе упражненіе, произходившее въ нихъ отъ нѣкія рѣдкія склонности нимало къ обычаямъ народа непривязанныя. Поелику нѣтъ никакого

какого другаго просвѣщеннаго народа, которой бы сохранилъ страсть къ тѣлеснымъ упражненіямъ и содѣлалъ бы изъ оныхъ нѣкій родъ народнаго увеселенія, кромѣ Европейскаго; то сіе можетъ утвердить мнѣніе о наслѣдственномъ шляхетствѣ наипаче способствовавшемъ къ сохраненію охотничія страсти. Мнѣніе сіе тѣмъ вѣроятнѣе что Татары, такое же дворянство у себя имѣющіе, суть первые по насъ ловцы.

Чтоже касается до дикихъ, то охота составляетъ у нихъ такій промыселъ, которымъ они пробавляютъ свою жизнь. По чему и неудивительно, что скитающіеся по дремучимъ лѣсамъ и ничего въ прочемъ неимущіе народы, находятъ удовольствіе въ такомъ упражненіи, которое служитъ имъ какъ къ прогнанію скуки, такъ и къ утоленію глада и отвращенію наглостей стихій. Дикіе теплыхъ странъ, имѣющіе болѣе другихъ, чемъ удовлетворять первыя свои нужды, не находятъ равнаго удовольстія въ охотѣ, и если они и рыщутъ когда по лѣсамъ, то таковая охота продолжается у нихъ весьма недолго

го, и бываетъ токмо для препровожденія скучнаго имъ времени. Татары же прилѣпляются къ охотѣ со всемъ по другой причинѣ, т. е. для приобученія и приуготовленія себя къ войнѣ по образу тому, какъ они се ведутъ; и сверьхъ того для нѣкотораго облегченія трудныя ихъ жизни. Славныя охоты *Чингисъ-Хановыхъ* наслѣдниковъ были собственно зимніе походы, для содержанія войскъ во всегдашней готовности и безпрестанной привычкѣ къ сношенію трудовъ.

Пляска не въ чести была у Грековъ и Римлянъ: оная была болѣе позорищемъ, и частію церковныхъ ихъ обрядовъ, нежели увеселеніемъ народнымъ. Мущины будучи либо непрестанно заняты дѣлами, либо находя себѣ живѣйшія удовольствія, имѣли довольно способовъ къ разогнанію скуки и прохлажденію себя безъ навлеченія новыя усталости: женщины же будучи всегда заключены во внутренности своихъ покоевъ, не имѣли удовлетворять мѣлкихъ тѣхъ страстей, которыя составляютъ самую большую приятность сего упражненія; а хотя онѣ и показывали

вали въ себѣ болѣе склонности къ пляскѣ, нежели мущины; то сїе конечно было для тойже самой причины, для которой женщины нѣкоего народа въ деревняхъ своихъ пляшутъ со слугами во время разлуки съ мужьями. Величавость древнихъ не могши понести той мысли, чтобы быть имъ самимъ позорищемъ другихъ, заставляла ихъ держать у себя нарочныхъ людей, для забавы собою зрителей; и презрѣнїе, которое они всегда ко промыслу сему имѣли, не дозволяло никакому честному человѣку уподобляться скомороху. У просвѣщенныхъ восточныхъ народовъ невыходность женщинъ и природная важность мущинъ раждаютъ такїе нравы, въ которыхъ не можетъ имѣть мѣста сїя тѣлеснаго упражненїя страсть: пляска бываетъ у нихъ либо простое позорище нарочными къ тому людьми производимое, либо богослужебный обрядъ.

Дикїе же напротиву того любятъ безмѣрно пляску, не токмо, какъ тѣлесное упражненїе, но и какъ посильный для нихъ способъ къ освобожденїю себя отъ скуки. Въ теплыхъ странахъ

нахъ обитающїе народы будучи чувствительнѣе ко всемъ впечатлѣнїямъ и имѣя гораздо болѣе празднаго времени и менѣе притомъ нужды въ охотѣ, прилѣпляются къ пляскѣ еще болѣе нежели дикїе обитатели сѣверныхъ странъ. Однакоже пляска ихъ сообразуется всегда въ родѣ своемъ съ природою ихъ сложенїя; и у лѣнивыхъ народовъ состоитъ оная въ однихъ мѣрныхъ кривленїяхъ и нѣкоторомъ еще поворачиванїи тѣла подъ музыку. Вкусъ сей толь общїй, что примѣчая всѣ прошедшїя и нынѣшнїя перемѣны человѣческаго рода, почти за правило положить можно, что въ народахъ страсть ко пляскѣ соразмѣрна бываетъ или настоящему ихъ невѣжеству, или остаткамъ прошедшаго, или такъ же грубости нравовъ различныхъ ихъ чиновъ. Удовольствїе отъ зрѣнїя пляски относится ко удовольствїю зрѣлищъ.

Всѣ народы увеселяются слышанїемъ согласныхъ звоновъ, и въ семъ случаѣ разность между самыми дичайшими и самыми просвѣщеннѣйшими народами состоитъ токмо въ выборѣ разныхъ родовъ мызыки. Дикїе довольству-

ствуются грубымъ и умѣреннымъ согласіемъ, а просвѣщенные народы требуютъ напротиву того гораздо многоразличнѣйшихъ и нѣжнѣйшихъ сложеній и гораздо совершеннѣйшихъ орудій. Жители полуденныхъ странъ, имѣющіе живѣйшія другихъ ощущенія и больше времени на увеселенія, предаются вовсе тому, что токмо образъ согласія на себѣ имѣетъ: и какъ древними, такъ и нынѣшними путешественниками примѣчено, что брега Африки наполнены всегда непрестаннымъ гласомъ музыки. И такъ удовольствіе сіе есть одно изъ общихъ, естественнѣйшихъ и человѣку наиболѣе приличнѣйшихъ, по тому что оное содержитъ его въ толь нужномъ для блаженства его веселіи. Удовольствіе отъ зрѣлищъ почти столь же общее, хотя и съ нѣкоторыми изключеніями въ разсужденіи театральныхъ игрищъ. Позорища вообще составляютъ увеселеніе всѣхъ народовъ: у тѣхъ дикихъ, кои въ большемъ другихъ живутъ довольствіи, большая часть времени препровождается въ празденствахъ, да и самые грубѣйшіе народы имѣютъ свои духовные и свѣтскіе обряды. Задумчивые невольники самодержавныхъ госу-

государствѣ забываютъ даже плачевное свое состоянїе видѣнїемъ угнѣтающїя ихъ пышности или другихъ такихъ малостей, которыми имъ позволено еще наслаждаться. Но болѣе всего оказывается склонность сїя ко зрѣлищамъ въ республикахъ, гдѣ народъ смѣло предается страстямъ своимъ. Извѣстно, что никакой другой народъ столь ощутителенъ къ позорищамъ не былъ, какъ Греки и Римляни.

Однакоже выборъ различнаго рода позорищъ былъ всегда опредѣляемъ нуждою. Греки любили борьбу и другїя воинскїя зрѣлища въ то время, когда духъ брани разсѣянъ былъ по всей ихъ республикѣ· а жесточайшїе еще Грековъ нравомъ Римляне забавлялися видѣнїемъ пролитїя крови и страшными сраженїями своихъ меченосцовъ. Во времена средняго вѣка, когда невѣжество охватило весь разумъ человѣческїй и произвело въ честь насильственныя упражненїя, состояли позороща изъ кровопролитныхъ игръ: зараждающїяся же тогда токмо театральныя игрища были совсемъ безобразныя представленїя, соотвѣтственно грубости и непросвѣщенїю тогдашнихъ

 зри-

зрителей. НаконецЪ хорошій вкусЪ театра не могЪ индѣ появиться, какЪ у просвѣщеннаго и остромысленнаго народа; и сіе то есть причиною, по чему хорошій театрЪ былЪ всегда надежнымЪ знакомЪ просвѣщенія народа, и почему оной еще и нынѣ есть самымЪ достойнѣйшимЪ увеселеніемЪ благородныхЪ обществЪ таковаго народа.

Греки и Римляне не почитали никакой игры: имя игрока заключало всегда вЪ себѣ имя развратнаго и моша, потому особливо, что игры ихЪ состояли всѣ вообще вЪ одной удачѣ, ибо тѣ которыя требуютЪ нѣкотораго искуства и умѣнія, изобрѣтены были уже поздо уединенными Восточными жителями. Однакоже родЪ жизни ихЪ женЪ, которыя не раздѣляли у нихЪ скуки и страстей своихЪ по бесѣдамЪ, также и отвращеніе великодушныхЪ сихЪ народовЪ отЪ всякія подлыя корысти, кажется, что были главнѣйшею причиною презрѣнія ихЪ кЪ играмЪ. Японцы, вЪ гордости и смѣлости подобный древнимЪ народЪ, презираютЪ игру, такЪ какЪ подлое и гнусное ремесло. На востокѣ, гдѣ мущины живутЪ особливо отЪ женщинЪ, играютЪ

ютъ весма мало, да и то токмо въ глубокомысленныя игры, дабы оживить нѣсколько уединенность. Не столь же просвѣщенные и болѣе тѣлеснымъ упражненіямъ преданные народы совсемъ почти не прилѣпляются къ симъ увеселеніямъ.

Если отвращеніе отъ игры дикихъ и непросвѣщенныхъ народовъ требуетъ какой нибудь выключки, то конечно токмо въ разсужденіи древнихъ жителей пространныя Германіи. По свидѣтельству *Тацитову* народы сіи были толь страстны къ игрѣ, что они, когда не имѣли ничего уже проигрывать, ставили безъ всякаго затрудненія собственную свою вольность. Вѣроятно, что люди, привыкшіе къ опасностямъ и всякимъ превратамъ безпрестанныя войны и не пекущіеся притомъ нимало о снисканіи себѣ легкаго пропитанія, могутъ удобно пристраститься ко случаю и удачѣ. Но не менѣе вѣроятно и то, что нынышніе земель сихъ обладатели, наслѣдовали страсть сію отъ древнихъ Германцовъ, своихъ предковъ.

Мы сами свидѣтели одного произшествія, которое утверждаетъ справедливость сего мнѣнія, и которому подобнаго до нашихъ временъ еще не слыхано. Никогда склонность ни къ какому маловажному по себѣ увеселенію не имѣла надъ народами толикія власти, чтобы содѣлаться существенною частію ихъ обычаевъ. Но страсть къ игрѣ могла усилиться въ насъ до такой степени, что управляетъ самопроизвольно образомъ жизни нашея. Люди говорятъ, что благопристойность, учтивость и снисходительность обязуютъ насъ, споспѣшествовать забавамъ другихъ и самимъ соскучиваться, буде не одарены отъ природы модными качествами. Поелику карты были изобрѣтены для прогнанія скуки и задумчивости Короля французскаго; то неотмѣнно надобно, чтобы и весь свѣтъ забавлялся такимъ же образомъ, и чтобы забава сія была притомъ пріятна. Отвращеніе отъ игры почитается за невѣжество и недостатокъ воспитанія, и многіе преодолѣвая токмо для того природное свое отъ нее отвращеніе, чтобы не прослыть скучными собесѣдниками, пристращаются нечувстви-

щельнымъ

тельнымъ образомъ къ ней на конецъ столь сильно, что оная дѣлается главнѣйшимъ ихъ и единственнымъ упражненiемъ. Вотъ преполезной способъ для разпространенiя дарованiй и хорошихъ качествъ! Если принять особливо въ разсужденiе поведенiе женскаго пола; то едва можно будетъ вѣрить дѣйствiю воображенiя матерн надъ образованiемъ зародыша: ибо еслибы оное имѣло таковую силу, то все нынѣшнее наше племя должно бы было походить либо на бубноваго короля, либо на винновую кралю.

Между тѣмъ ничто столь не безпокойно и вѣжливой обходительности не противно, какъ превращенiе прѣснаго сего увеселенiя, которое никакъ всѣми любимо быть не можетъ. Люди стараются съ начала себя принудить, дѣлаютъ потомъ насилiе природнымъ своимъ склонностямъ и удушаютъ на конецъ въ себѣ все чувствованiе естественныхъ удовольствiй. Что можетъ быть противнѣе вольности нравовъ и не принужденности поступокъ нашихъ, коими мы столько величаемся, какъ неволя игры? И какое удовольствiе можно обѣщавать себѣ въ такой бесѣдѣ, въ ко-

 торой

торой человѣкъ извѣстенъ уже напередъ, что тотъ же часъ отягченъ будетъ картами и пригвоздится къ стулу, какъ скоро токмо вступитъ въ оную? Игрокамъ должно бы собираться однимъ, и не неволить другихъ къ подражанію своей прихотѣ.

Причина обычая сего видна почти ясно. Съ того времени какъ женскій полъ оставилъ уединенную свою жизнь и началъ примѣшиваться къ бесѣдамъ мущинъ, кажется намъ, что мы стали обходительнѣе. Мы стараемся всячески пріобрѣсть любезное сіе качество и надѣемся уже оное имѣть, когда другъ на друга иногда взглядываемъ и ничего не значущія чинимъ себѣ привѣтствія. Но какъ можетъ назваться бѣсѣдою соборище такихъ людей, которые таскаяся со скукою своею изъ одного дома въ другой, приходятъ на конецъ обременять другъ друга праздностію своею, которые не чувствуя къ себѣ ни малѣйшія приязни, не имѣютъ ничего другъ съ другомъ говорить и которые прибѣгаютъ потому на конецъ къ злословію, какъ единственному источнику ихъ разговоровъ. Не смотря на то, надобно необходимо

обходимо видѣться, дабы казаться обходительными и не причастными народной подлости. Игра приходитъ на помощь симъ собесѣдникамъ, кои не зная какой принять на себя видъ, начинаютъ играть, повторяютъ нѣсколько кратъ обыкновенно употребляемыя при томъ рѣчи и представляютъ такимъ образомъ нѣкія лица въ обществѣ. Ложное же понятіе о благородномъ собесѣдованіи и мнимая неспособность простаго народа къ достиженію сего качества, принуждаютъ терять напрасно время и такихъ, которые могли бы обратить оное на лучшее и полезнѣйшее упражненіе.

Не должно думать, чтобы забавы и увеселенія составляли предмѣтъ, не заслуживающій вниманія законодавца. Вліяніе ихъ на умоначертаніе и обычай народа дѣлаетъ оныя достойными его уваженія. Не благоразумно бы было конечно угнѣтать положительными и строгими законами естественную вольность человѣка до того, чтобы неволить его и въ самомъ выборѣ забавъ. Нравы содѣйствуютъ въ оныхъ весьма много, и слѣдственно можно достигнуть до желае-

 маго

маго конца лучшимъ и кротчайшимъ образомъ, а именно либо чрезъ премѣненіе обычаевъ вводить другія увеселенія, либо чрезъ премѣненіе увеселеній вводить желаемые обычаи.

Весьма странной кажется поступокъ тѣхъ правленій, которыя запрещаютъ совсемъ невинныя увеселенія, а позволяютъ вмѣсто того весьма опасные здравію пороки не для чего инаго какъ токмо потому, что оные заключаются уже во обычаяхъ народныхъ. Толь явная нескладность не можетъ имѣть иной причины, кромѣ неумѣстной строгости и тщетнаго старанія о соблюденіи чистоты нѣкоихъ мысленныхъ добродѣтелей. Но въ самой вещи нѣтъ ничего противнѣе правиламъ прямыя политики, какъ запрещеніе такихъ забавъ, которыя разливаютъ по сердцамъ радость; ибо угрюмость и отвращеніе отъ забавъ, разпространяютъ въ народѣ нѣкоторый духъ строптивости, превращающейся потомъ въ задумчивость. Невеселые же и задумчивые умы бываютъ обыкновенно брюзгливы, безпокойны и люты. Наполненная таковаго нрава жителями земля уподобилася бы

без-

безпрестанными вѣтрами обуреваемому морю. Напротиву же того изъ всѣхъ нравственныхъ качествъ нѣтъ ни единого, которое бы болѣе способствовало ко благополучїю частнаго человѣка и спокойствїю всего общества, какъ обычайная веселость, хранимая въ просвѣщенныхъ народахъ дѣйствительными забавами, а въ непросвѣщенныхъ простыми увеселенїями. Не воздаютъ еще по нынѣ достойныя похвалы нѣкоторому сюда относящемуся опредѣленїю Аглинскаго Короля Іакова I Государь сей примѣтивъ изступительную народа своего задумчивость, оказавшуюся наиболѣе въ чрезмѣрно набожномъ наблюденїи воскресеныхъ дней и суевѣрномъ отъ всякїя забавы воздержанїи, приказалъ обнародовать манифестъ, которымъ возбуждалъ онъ подданныхъ своихъ къ веселїю, совѣтуя избирать къ тому воскресные дни. Если бы законъ сей отца былъ соблюденъ; то бы оной спасъ можетъ быть жизнь сыну, или по крайней мѣрѣ сохранилъ бы Англїю отъ страшныхъ потрясенїй.

Въ жестокихъ, самовластныхъ и воинственныхъ правленїяхъ увеселенїя

терпимы и споспѣшествуемы бываютъ для другой причины. Чувствіе бѣдности и угнѣтенія становится иногда и самымъ невольникамъ несноснымъ, и производитъ въ ихъ сердцахъ такую нетерпѣливость, которая можетъ быть весма опасна спокойствію тирановъ. Для утишенія же волненія народа и смягченія болѣзненности его состоянія, забавляютъ его увеселеніями, подобно какъ маленкихъ дѣтей игрушками, когда онѣ закричатъ. Такова была политика Римскихъ Императоровъ, которые умѣли усмирять буйство черни позорищами и хлѣбосольствомъ. Да и теперь, если окажутся въ Константинополѣ знаки какого нибудь неудовольствія, то мятежный сей духъ разгоняется тотъ же часъ народными пирами и празденствами.

Прямыя забавы не подлежатъ ни какъ власти и управленію самодержца. Однако же онъ можетъ доставлять ихъ подданнымъ своимъ чрезъ защищеніе и разпространеніе наукъ и художествъ; а доставляя оныя, можетъ слѣдственно усугубить благоденствіе своего народа. Забавы же сіи, смягчая нравы, наполняя

прия-

приятностію всѣхъ души и разбивая томность скуки, утверждаютъ спокойствіе государства. Что бы ни говорили враги просвѣщенія, но сія единая причина должна уже быть довольно сильною къ возбужденію всѣхъ правительствъ на приложеніе всевозможнаго старанія о просвѣщеніи народовъ своихъ, не страшась дѣйствій совращенія, оказывающагося обыкновенно послѣ просвѣщенія, но которое однако же не есть естественнымъ онаго слѣдствіемъ. Японцы соединяютъ мужество, добродѣтель, бѣдность и просвѣщеніе; у нихъ мало денегъ, и нѣтъ почти никакой чужестранной торговли.

Воинственное правительство, или бранная республика находитъ въ томъ свою пользу, чтобы питать охоту къ тѣлеснымъ упражненіямъ, въ чемъ не трудно успѣть посредствомъ раздачи почестей и награжденій тѣмъ, которые либо силою, либо искуствомъ какимъ нибудь себя отмѣнно показали въ таковыхъ упражненіяхъ, кои имѣютъ или какое отношеніе къ воинскимъ дѣйствіямъ, или приуготовляютъ тѣло къ сношенію трудовъ. Хотя страсть Грековъ къ

Гимна-

Гимнастикѣ ихъ и преобратилась наконецъ въ дурачество, однакоже игры ихъ при начальномъ установленіи кажется, что имѣли главнымъ предмѣтомъ употребленіе тѣлесныхъ упражненій въ сраженіяхъ, гдѣ сила и искуство опредѣляли всегда побѣду.

Не льзя приписать той же самой пользы ловлѣ, имѣющей къ войнѣ весма слабое отношеніе; и трудно сыскать причину долженствующую побуждать Государей ко ободренію упражненія сего либо собственнымъ своимъ примѣромъ, либо законами. Если склонность сія овладѣетъ народомъ, то оной неминуемо ввергнутъ будетъ въ лѣность, а если останется токмо между вышшими чинами, то и тутъ нанесетъ великой вредъ какъ приращенію вѣжливости и хорошихъ качествъ, такъ и храненію должностей общества: почему и надлежитъ умѣрить страсть сію тамъ, гдѣ оная усилилась, чрезъ обращеніе народныхъ обычаевъ на другіе достойнѣйшіе и полезнѣйшіе для общества предмѣты.

Пляска же напротиву того есть такой предлогъ, которой самъ по себѣ ничего

ничего не значитъ и потому ни поощренія, ни запрещенія не заслуживаетъ. Оная составляетъ либо часть зрѣлищъ, либо есть пристойное увеселеніе молодости и простаго народа; и можетъ быть позволена всѣмъ тѣмъ, коихъ увеселять можетъ, лишь бы токмо не возрасла до безмѣрія и не отвлекла бы ихъ отъ дѣлъ. Выборъ забавы сея есть изъ числа нравственныхъ тѣхъ малостей, которыя весьма хорошо показываютъ разборчивость частныхъ людей, и ни мало не подлежатъ смотрѣнію правительства.

Поелику музыка есть изъ числа самыхъ естественнѣйшихъ увеселеній, и служитъ къ смягченію нравовъ и впечатлѣнію толь нужныя къ чистотѣ народнаго умоначертанія и тишинѣ государственнаго благосостоянія веселости, то достойна всякаго уваженія и споспѣшествованія отъ правительства, долженствующаго оную покровительствовать, такъ какъ и прочія изящныя художества и ободрять тѣхъ, кои отмѣнно въ оныхъ успѣваютъ.

Однакоже особливое вниманіе правительства заслуживаютъ зрѣлища, со-

стоящія изъ многихъ вмѣстѣ сложенныхъ забавъ, и между коими театръ конечно имѣетъ первое мѣсто. Посредствомъ оныхъ можно дать народу всякое желаемое впечатлѣніе и разрушить наконецъ сими часто повторяемыми, но почти непримѣтными ударами основаніе обычаевъ премѣненія требующихъ. Когда только подумать о силѣ и дѣйствіи всѣхъ позорищъ вообще; то легко удостовѣриться можно будетъ, что изрядно устроенный театръ можетъ быть непрестаннымъ училищемъ добродѣтели и весьма хорошею подпорою во управленіи народа.

Не льзя никакъ совѣтовать Государю, что бы онъ хотя малѣйшую часть покрова своего удѣлялъ игрѣ. Какими бы кто глазами ни взиралъ на увеселеніе сіе; но никакъ не можно будетъ примѣтить тутъ ни малѣйшія выгоды ни для частныя ни для общественныя пользы: но вмѣсто того окажутся токмо повсюду великія неудобства. Народъ, коего нравы подаютъ великую потачку игрѣ, привыкаетъ толь сильно къ волненію мѣлкихъ страстей, что дѣлается нечувствительнымъ къ большимъ и обще-

общественнымъ. Страсть къ прибытку усиливается толико симъ ежедневнымъ упражненїемъ, что жадность къ стяжанїю содѣлывается наконецъ единственнымъ порокомъ. Корыстолюбїе и ярость заставятъ подвергать слѣпотѣ случая все имущество; а досада отъ потери понудитъ изыскивать и самыя подлѣйшїя средства къ поправленїю своего состоянїя. Разоренїе сїе да и самое уже его опасенїе, будетъ источникомъ тысящи нравственныхъ пороковъ. Когда одна часть народа обыкнетъ боротися ежедневно съ другою, то станетъ уже и на сограждан своихъ смотрѣть такъ какъ на враговъ: узы общество сопрягающїе разслабятся и взаимная благосклонность исчезнетъ. Что же касается до людей безкорыстныхъ и свободный духъ имѣющихъ, то игра есть непрестанный къ разсѣянїю ихъ мыслей случай, препятствующїй имъ всегда къ достиженїю достойныхъ качествъ, могущихъ не токмо устроить собственное ихъ щастїе, но и поспѣшествовать при томъ пользѣ общества. Какъ можно угобжать сердце и разумъ, когда время проходитъ во многотрудномъ разглядыванїи картъ? Желательно бы было, что бы знатные

вмѣсто

вмѣсто поощренія собою толь опаснаго увеселенія, старались споспѣшествовать разчищенію обычаевъ нашихъ выборомъ благороднѣйшихъ забавъ. Прямыя запрещенія всегда какимъ нибудь ухищреніемъ нарушаются: и дабы исправить нравы; то надобно изцѣлить тѣ части, отъ порчи коихъ немощь сія произходитъ.

Если законодавецъ разсматриваетъ забавы и увеселенія во отношеніи оныхъ къ пользѣ всего общества; то частный человѣкъ долженъ разсматривать оныя во отношеніи къ собственному своему благополучію. Безпрестанное прилѣжаніе къ трудамъ, истощеваетъ душевныя и тѣлесныя силы, разслабляетъ здравіе и растравлаетъ нравъ. Для возвращенія же силы и упругости составу тѣла нашего, разслабленного долгимъ и непрестаннымъ напряженіемъ, надобно заводить его опять пріятными и отмѣнными отъ прежнихъ впечатлѣніями. И такъ забава нужна необходимо человѣку, какъ прохлада нѣкая утомленныхъ членовъ и какъ самое надежнѣйшее средство къ предупрежденію тѣлесныя унылости, которая непремѣннымъ бываетъ слѣд-

ствіемъ

ствіемъ произходящаго отъ натужныхъ трудовъ истощенія. Для сея причины охуляетъ *г. Тамлель* поступокъ тѣхъ государственыхъ чиновъ, которые прилѣпляяся единственно ко многотруднымъ своимъ должностямъ, убѣгаютъ увеселеній, почитая сіе за утрату времени, и которые не помышляютъ о томъ, что сіе великое напряженіе духа содѣлаетъ ихъ въ краткое время неспособными къ понесенію обыкновенныхъ ихъ трудовъ, и что на противу того не большая перемѣна упражненій моглабы придать имъ еще новыя силы. Да и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, который отрекается отъ увеселеній, забываетъ тѣ должности, кои онъ долженъ наблюдать какъ въ разсужденіи самаго себя, такъ и въ разсужденіи общества: если онъ небрежетъ увеселенія для причинъ внушаемыхъ его угрюмостію, то онъ умножаетъ чрезъ то токмо злополучную свою томность, столь противную изощренію хорошихъ качествъ и угобженію прямыя добродѣтели: если же онъ то чинитъ по неразсудительной и слѣпой привязанности ко званію своему, прибытку или другой какой пользѣ; то вскорѣ увидитъ себя въ несостояніи

способствовать болѣе ни которому изъ сихъ предмѣтовъ.

Ничто сравниться не можетъ со блаженствомъ того, кто умѣетъ настоящія свои упражненія превращать себѣ въ забавы. Можно достигнуть до сего желательнаго разположенія души удобно потому, что всякій переходъ отъ одного труда къ другому есть нѣкоторой родъ прохлады или отдохновенія, и что всякій перемѣнный случай можетъ въ настоящее преобратиться увеселеніе. И хотя весьма мало таковыхъ людей которые въ состояніи были бы довольствоваться толь важновиднымъ увеселеніемъ, и большая часть изъ нихъ требуютъ гораздо живѣйшихъ и прохладнѣйшихъ забавъ для укрѣпленія духа своего: однакоже нетрудно примѣшивать пріятнѣйшія и забавнѣйшія упражненія къ тѣмъ, кои великаго вниманія требуютъ и кои важностію своею нѣкій видъ прискорбности напечатлѣваютъ; ибо премѣняя одинъ трудъ наскучившій одинаковостію своею на другое пріятное какое нибудь упражненіе, можно всегда пріобрѣтать новыя силы, и благоустроенная сія очередность пребудетъ непрестанною забавою.

Поелику забавы необходимы; то нужда состоитЪ токмо вЪ ихЪ выборѣ. Во первыхЪ кажется быть естественно, чтобы каждый человѣкЪ избиралЪ изЪ нихЪ наиболѣе нраву и склонностямЪ своимЪ соотвѣтствующія. Но какЪ забавы сіи и увеселенія имѣютЪ великую силу на умоначертаніе; то выборЪ оныхЪ заключаетЪ вЪ себѣ толикую важность, что отЪ него зависѣть можетЪ щастіе цѣлыя жизни. Весьма легкомысленно говорятЪ, что для прямаго оными наслажденія надобно токмо познать однѣ ихЪ верьхушки, а не углубляться далеко, чрезЪ что онѣ токмо ослабляются. Наблюденіе ложнаго сего правила могло бы содѣлаться источникомЪ вѣчнаго раскаянія; ибо безразсудный таковый поступокЪ весьма можетЪ низвергнуть насЪ вЪ ту бездну пустоты, вЪ которой душа наша слѣтая сЪ одного предмѣта на другой сЪ одинаковымЪ отЪ всѣхЪ отвращеніемЪ, не можетЪ успокоиться ни на одномЪ. ПринявЪ хотя нѣскоько вЪ разсужденіе достоинство вышепоказанныхЪ трехЪ родовЪ забавЪ и свойство самыхЪ полезнѣйшихЪ увелеленій; не трудно усмотрѣть можно будетЪ, что между ними есть однѣ, которыя

споспѣшествуютъ блаженству нашему несравненно дѣйствительнѣе всѣхъ другихъ, и что есть опять другія, которыя весьма опасны, которыя заграждають путь ко добродѣтели и дарованіямъ, которыя подвержены множеству затрудненій и неудобствъ и кои уничижають достоинство человѣка. И такъ мудрости предлежитъ теперь обширное поле ко упражненію себя въ выборѣ самыхъ лучшихъ и наиболѣе состоянію каждаго приличныхъ забавъ, и въ разверженіи и образованіи тысящи другихъ, которыя по сіе время пребывали неизвѣстны единственно по причинѣ небреженія. Нерѣдко предаются люди самымъ пустымъ и холоднымъ увеселеніямъ, и долго къ онымъ прилѣпляються для того токмо, что незнаютъ лучшихъ и не умѣютъ вкушать разумнѣйшихъ. Стоитъ токмо представить забавы сіи въ настоящемъ ихъ видѣ и дать возчувствовать ихъ цѣну; то конечно предпочтены онѣ будутъ тѣмъ, коими увеселяется простой народъ.

Всякъ долженъ быть удивленіемъ объятъ, увидя различность произходящаго отъ выбора увеселеній сихъ щастія·

стія. Представте себѣ человѣка совершенно простымъ народнымъ увеселеніямъ преданнаго; онъ будетъ подверженъ жестокому игу предразсужденія и чувствъ, безпрестанному гнушенію, поминутному отъ всего отвращенію и лютому терзанію неудовольствія и скуки. Въ неминуемыя промежутки забавъ его, во время оныхъ смѣненія и даже самаго наслажденія, будетъ онъ мучимъ произходящею всегда отъ таковаго упражненія пустотою, немогущею наполнить души его и занять всей ея дѣятельности. Онъ придетъ на конецъ самъ себѣ въ тягость, содѣлается обществу безполезенъ, потому что пустыя его увеселенія поглотятъ у него все время, и будетъ тогда совершенно злополученъ, когда другіе отымутъ отъ него помощь свою для спокойствія его столь необходимую. Но какое блаженство того, кто умѣетъ забавы свои дѣлать независимыми отъ своенравія другихъ и полезными какъ себѣ такъ и ближнему? Изслѣдованіе истинны и слѣдующія притомъ самыя нѣжнѣйшія ощущенія подаютъ ему всегда новыя и всегда пріятныя впечатлѣнія; чтеніе книгъ и разумныя бѣсѣды

пред-

представляютЪ ему непрестанныя забавы и наставленія: зрѣлища природы, начертанія исторіи и прелести изящнѣйшихЪ художествЪ прохлаждаютЪ его весьма приятнымЪ образомЪ между важныхЪ его упражненій: всѣ часы его улѣтаютЪ сЪ быстротою и сладостію, и скука извѣстна ему токмо по одному слуху. Толь блаженный человѣкЪ наслаждается еще и тою приятностію, что забавы его служатЪ ему кЪ содѣланію себя добродѣтельнымЪ и обществу полезнымЪ: удовольствіе сіе усугубляется еще чувствованіемЪ славы сопровождающей всегда добродѣтель и дарованія, и восходящей на верхЪ всего своего величія чрезЪ приятное чувствованіе всеобщія дружбы и благотворительности. ВЪ семЪ состояніи предразсужденіе, которое столь опасно бываетЪ при выборѣ забавЪ, ни малѣйшія не имѣетЪ себѣ части; все тутЪ непринужденно, все свободно и все достоино величества нашея природы. Но всего болѣе то, что всякЪ, кто хотя нѣсколько старается о наблюденіи должностей своихЪ, можетЪ надѣяться смотря по обстоянію своему на часть сего блаженства.

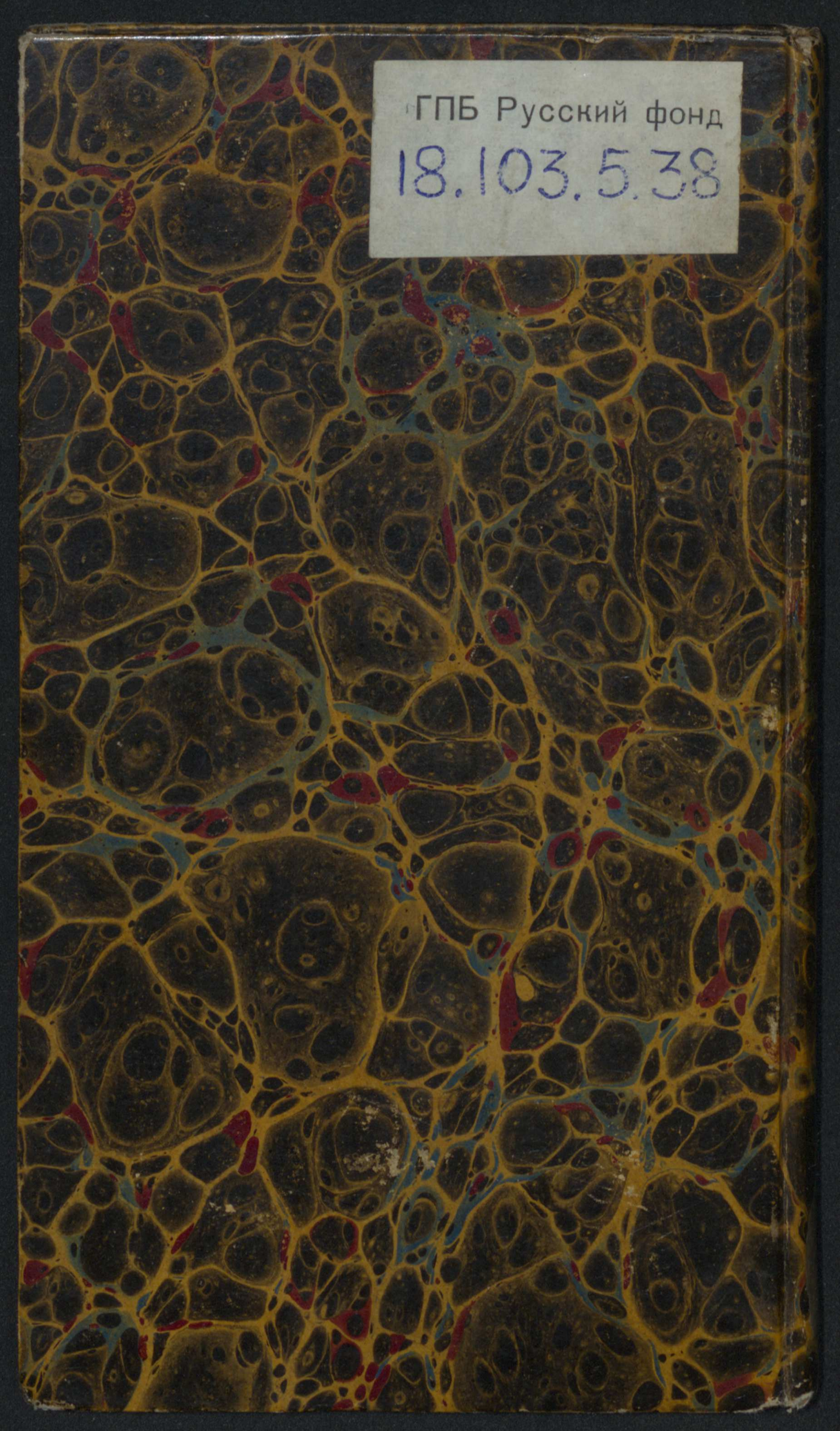
Одна-

Однакоже разсужденія сіи не должны насЪ приводить на взаимное одинЪ другаго уничиженіе или охуленіе выбора забавЪ нашихЪ, кромѣ того токмо случая, когда выборЪ сей подаетЪ знакЪ либо похвальнаго, либо порочнаго умоначертанія, хорошаго или дурнаго воспитанія и одной легкомысленной привычки. Простой народЪ охуждаетЪ обыкновенно все: но просвѣщенный человѣкЪ склоненЪ всегда кЪ снисхожденію; онЪ вѣдаетЪ, что на соснѣ не родятся померанцы и что для каждаго возраста требуются особливыя забавы; онЪ знаетЪ, что всякЪ долженЪ жить, бѣдной мужикЪ питаться грубою яствою а богатые люди нѣжиться лучшею пищею. Желательно бы было для большія пользы общества, что бы чернь имѣла такое же снисхожденіе кЪ вышшимЪ своимЪ чинамЪ и не опорочивала бы того, чего она не смыслитЪ и что бы ей почитать надлежало.

Если законодавецЪ можетЪ разполагать увеселеніями народа своего вЪ случаѣ надобности и пользы общественной; то частной человѣкЪ не долженЪ никакЪ присвоивать себѣ сея власти. МудрецЪ доволь-

довольствуется съ своей стороны показанïемъ токмо настоящïя ихъ цѣны и освѣщенïемъ умовъ сограждан своихъ въ разсужденïи ихъ собственныя пользы, оставляя въ прочемъ каждому свои забавы, толькобы и ему оставили его и не наводили насильными увеселенïями скуки.

ГПБ Русский фонд
18.103.5.38